

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

МЕЧ КОРОЛЕЙ

*В книгах Корнуэлла лучшие описания битв,
какие мне когда-либо доводилось читать.*

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Саксонские хроники

Бернард Корнуэлл

Меч королей

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Меч королей / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Саксонские хроники)

ISBN 978-5-389-19991-0

Король Альфред Великий в своих мечтах видел Британию единым государством, и его сын Эдуард свято следовал заветам отца, однако перед смертью изъявил последнюю волю: королевство должно быть разделено. Это известие врасплох застает Утреда Беббанбургского, великого полководца, в свое время давшего клятву верности королю Альфреду. И еще одна мучительная клятва жжет его сердце, а слово надо держать крепко... Покинув родовое гнездо, он отправляется в те края, где его называют не иначе как Утрэд Язычник, Утрэд Безбожник, Утрэд Предатель. Назревает гражданская война, и пока две враждующие стороны собирают армии, неумолимая судьба влечет лорда Утреда в город Лунден. Здесь состоится жестокая схватка, в ходе которой решится судьба страны... Двенадцатый роман из цикла «Саксонские хроники». Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19991-0

© Корнуэлл Б., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Географические названия	6
	9
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Бернард Корнуэлл

Меч королей

Bernard Cornwell

SWORD OF KINGS

Copyright © 2019 by Bernard Cornwell

All rights reserved

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Перевод с английского Александра Яковлева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Карта выполнена Вадимом Пожидаевым-мл.

© А. Л. Яковлев, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

«Меч королей»

посвящается Сюзанне Поллак

Географические названия

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разнообразием, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденном, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским словарем английских географических названий» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпох ближайших или включающих время правления Альфреда – 871–899 годы н. э. Но даже это решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейге». Сам я тоже не был слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

Андефера – Эндовер, Уилтшир
Басенгас – Бейсинг, Гемпшир
Бebbанбург – Бамбург, Нортумберленд
Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс
Веала – Уолбрук, Лондон
Верламесестер – Сент-Олбанс, Хартфордшир
Викумун – Хай-Уиком, Бакингемшир
Вилтунскир – Уилтшир
Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир
Глевекестр – Глостер, Глостершир
Гримесби – Гримсби, Линкольншир
Дамнок – Данвич, Суффолк
Истсек – Эссекс
Йорвик – Йорк, Йоркшир (датское название)
Канинга – Канви-Айленд, Эссекс
Колнесестер – Колчестер, Эссекс
Контварабург – Кентербери, Кент
Крепелгейт – Криплгейт, Лондон
Лиган – река Ли
Линдисфарена – Линдисфарн (Священный остров), Нортумберленд
Линдкольн – Линкольн, Линкольншир
Луддгейт – Ладгейт, Лондон
Лунден – Лондон
Луниэ – Лечче, Италия
Мамесестер – Манчестер
Ора – Оэр, Кент
острова Фарнеа – Фарнские острова, Нортумберленд
пещера святого Кутберта – Кадди-Кейв, Холберн, Нортумберленд
Свальван – река Суйэл
Селмересбург – Челмсфорд, Эссекс
Сестер – Честер, Чешир
Сестрехунт – Чешунт, Хартфордшир
Синингестун – Кингстон-апон-Темз
Сиппанхамм – Чиппенхем, Уилтшир
Скеапиг – остров Шеппи, Кент

Страт-Клота – королевство на юго-западе Шотландии

Судгевеорк – Саутуарк, Лондон

Темез – река Темза

Тотехам – Тоттенхем, Большой Лондон

Туэд – река Туид

Ферентон – Фарндон, Чешир

Фернхамм – Фарнхем, Суррей

Флеот – река Флит, Лондон

Фугхелнесс – Фолнесс, Эссекс

Фэфрешем – Фэвершем, Кент

Хамбр – река Хамбер

Хамптонскир – Гемпшир

Хеабург – вымышленное название для Уайтли-Касл, Камбрия

Хеоротфорда – Хартфорд, Хартфордшир

Элентон – Мейденхед, Беркшир

Эофервик – Йорк, Йоркшир (саксонское название)

Часть первая Пустые хлопоты

Глава 1

«Гидена» не вернулась.

Она была не первым сгинувшим моим кораблем. Море беспокойно и обширно, а корабли малы. «Гидена», что значило «Богиня», была меньше прочих. Построили ее в Гримесби на Хамбре и нарекли «Халигвэтер» – «Святая вода». Через год после спуска на воду ее выкупил я. Не желая иметь в своем флоте корабль с откровенно христианским названием, я заплатил девственнице, чтобы она пописала в трюм, переименовал судно в «Гидену» и вновь отдал рыбакам, только уже своим, беббанбургским. Они забрасывали сети вдали от берега. В день, когда ветер был особенно резким, небо серым, а высокие волны вскипали пеной, разбиваясь о скалы островов Фарнеа, «Гидена» не вернулась. Мы сочли, что она затонула, оставив в беббанбургской деревушке шесть вдовиц и вдвое большее количество сирот. Может, мне не стоило менять название: каждый моряк знает, что, переименовывая корабль, ты искушаешь судьбу. Впрочем, всем известно и то, что моча девственницы отводит беду. Вот только боги бывают такими же жестокими, как море.

Потом на своем корабле «Банамадр» прибыл Эгил Скаллагримрсон. Земли ему были пожалованы мной за службу и располагались на границе моих владений и королевства Константина Шотландского. В трюме драккара Эгила лежал труп.

– Его выбросило на берег близ Туэда, – сообщил Эгил. – Один из твоих, так ведь?

– Туэд? – переспросил я.

– Южный берег. Обнаружили тело на илистой отмели. Правда, чайки нашли беднягу раньше.

– Заметно.

– Так это один из твоих?

– Да, – подтвердил я.

Покойника звали Хаггар Бентсон. Был он рыбаком, кормщиком на «Гидене»; здоровенный детина, большой любитель эля, задира, покрытый шрамами множества драк. Хаггар полагивал жену, но был хорошим моряком.

– Он ведь не утонул? – спросил Эгил.

– Нет.

– И не чайки прикончили его. – В голосе Эгила сквозило веселье.

– Нет, – признал я, – не чайки.

Хаггара зарубили. Труп был нагим и белым, походил на огромную рыбу, если не считать рук и того, что осталось от лица. По его животу, груди и бедрам шли большие рассеченные раны, тщательно промытые морем.

Эгил коснулся сапогом зияющей раны, тянувшейся у Хаггара от плеча до грудины.

– Я бы предположил, что убил его топор, – бросил норманн. – Но сначала кто-то отрезал ему яйца.

– Я заметил.

Эгил наклонился к труп и разжал ему челюсти. Эгил Скаллаgrimрсон был сильным, но, чтобы открыть Хаггару рот, ему пришлось постараться. Челюсть хрустнула, Эгил распрямился.

– А также забрал зубы, – пробормотал он.

– И глаза.

– Это могли сделать чайки. Глазные яблоки им особенно по вкусу.

– Но язык оставили, – заметил я. – Вот бедняга.

– Жалкая смерть, – согласился Эгил, потом повернулся и посмотрел на вход в гавань. – Мне известны только две причины, по которым человека пытаются, прежде чем убить.

– Две?

– Первая: они хотели позабавиться. Может, он оскорбил кого-то? – Эгил пожал плечами. – Вторая причина: нужно было заставить его говорить. Зачем иначе оставлять язык?

– Они? – спросил я. – Скотты?

Эгил снова перевел взгляд на обезображенный труп:

– Кого-то он зацепил за живое. Но скотты в последнее время тихие, на них это не похоже. – Ярл пожал плечами. – Может, личное что-то? Какой-нибудь рыбак, которого он обидел?

– Других тел нет? – уточнил я. На «Гидене» ушли шестеро мужчин и двое мальчишек. – Больше никого не нашли?

– Только этот несчастный. Но остальные еще могут болтаться где-то в море.

Что тут еще скажешь или сделаешь? Если «Гидену» захватили не скотты, то следовало предположить, что какой-то норманнский разбойник или же фризы воспользовались летней погодой, чтобы разжиться уловом сельди, трески, пикши, а также рабов. Как бы то ни было, «Гидена» пропала, и я подозревал, что уцелевшие из ее команды сидят сейчас на гребных скамьях захватчика. Подозрение почти переросло в уверенность, когда два дня спустя, после того как Эгил привез труп, саму «Гидену» выбросило на берег к северу от Линдисфарены. Волны прибили ее к песчаной отмели, и перед нами предстал лишенный мачты корпус, едва держащийся на плаву. Других тел мы не обнаружили. Только остов, который так и бросили в песках: осенние штормы доломают его.

Через неделю после того, как пустая «Гидена» приткнулась к берегу, пропала еще одна рыбацья лодка. День тот был удивительно безветренный и спокойный, какой только могли сотворить боги. Суденышко называлось «Свельве» – «Ласточка». Подобно Хаггару, его шкипер предпочитал забрасывать сети вдали от берега.

Впервые об исчезновении «Ласточки» я узнал, когда в Беббанбург пришли три вдовы, таща с собой щербатого священника по имени Гадд.

– Там оно, это... – промямлил поп, тряся головой.

– Это что? – спросил я, подавляя стремление подразнить священника, подражая его шепелявому из-за отсутствующего зуба выговору.

Отец Гадд трепетал, и недаром. Мне докладывали, что он в своих проповедях печалится, что господин их деревни язычник. Теперь, представ пред лицом этого самого язычника, поп подрастерял отвагу:

– Господин, Болгар Харульдсон, он этот...

– Мне известно, кто такой Болгар, – оборвал я его. Речь шла еще об одном рыбаке.

– Господин, он видел на горизонте два корабля. В тот день, когда «Свельве» пропала.

– Мимо проходит много купцов, – сказал я. – Странно было бы, если он не видел кораблей.

– Болгар говорит, что они сначала шли на север, потом на юг.

Перетрусивший дурак лопотал невнятно, но наконец я сообразил, что он хочет сказать. «Свельве» ушла на веслах в море, и Болгар, человек опытный, видел, где лодка скрылась из виду. А потом заметил мачты двух кораблей, которые подошли к месту, куда направлялась

«Свельве», постояли недолго и повернули назад. Сама «Свельве» скрывалась за горизонтом, и единственным зримым доказательством ее встречи с загадочными кораблями было то, что их мачты двигались на север, остановились, а затем снова стали смещаться к югу. Эти маневры не походили на курс купеческого судна.

– Вам следовало прихватить с собой Болгара, – попенял я, после чего дал серебро трем вдовам и два пенни священнику за принесенную весть.

– Что они сказали? – поинтересовался Финан вечером.

Мы сидели на скамье на улице и смотрели на бескрайнее море, покрытое рябью; от воды отражался лунный свет. Из господского дома доносились звуки песни и смех. Там отдыхали мои воины, все, кроме двух десятков, расставленных часовыми по высоким стенам. Легкий восточный ветерок приносил запах моря. Ночь была спокойная, и покой воцарился над Беббанбургом с тех пор, как год назад мы пересекли горы и разбили Скёлля в его высокой крепости. После той жестокой битвы мы сочли, что норманны получили урок и западная часть Нортумбрии усмирена, но минующие перевалы путники приносили слухи, что северяне продолжают прибывать и драккары причаливают к западным берегам. Их воины алкали земель, но ни один из норманнов не провозглашал себя королем, как это сделал Скёлль, и никто не перебирался через горы, чтобы разорять беббанбургские угодья. Установился своего рода мир. Константин из Альбы – эту страну некоторые называют Шотландией – воевал с норманнами Страт-Клоты и конунгом Овейном. В итоге и Овейн, и Константин хотели жить с нами в мире, пока не разделаются друг с другом.

С шотландцами у нас установился «скоттский мир», как когда-то окрестил его мой отец, имея в виду регулярные набеги за скотом. Но набеги за скотом были всегда, да и мы не оставались в долгу, наведываясь в шотландские долины, чтобы вернуть угнанных у нас животных. Мы брали столько же, сколько забирали у нас. Проще было бы жить без набегов, однако даже в мирные времена молодых людей следует натаскивать в делах войны.

– Новость в том, что здесь объявились пираты. – Я кивнул в сторону моря и добавил: – И они захватили два наших судна.

– Пираты есть и будут.

– Мне это не нравится, – заявил я.

Финан, мой лучший друг, ирландец, в бою яростный, как все представители своего народа, и умелый как бог, рассмеялся:

– Дурной запах ударил в ноздри?

Я кивнул. Случается, что знание приходит ниоткуда: через ощущение, через едва уловимый аромат, через беспричинный страх. Боги оберегают нас и посылают это внезапное щеколтанье нервов, безошибочно предсказывающее, что среди в обманчиво-мирной рощице затаились убийцы.

– Зачем им понадобилось пытаться Хаггара? – спросил я.

– Да потому, что он был тем еще ублюдком, понятное дело.

– Это-то ясно, – отозвался я. – Да только, боюсь, тут кроется кое-что похуже.

– Что предпримешь?

– Пойду на охоту, разумеется.

Финан рассмеялся:

– Заскучал?

Я ничего не ответил, и он снова захихикал.

– Тебе скучно, и ты просто ищешь повод поиграться со «Сперхафоком», – поддел он меня.

Это было правдой. Мне хотелось вывести «Сперхафок» в море, и потому я отправлялся на охоту.

«Сперхафок» получил имя в честь ястребов, гнездившихся в скудных беббанбургских лесах. Подобно хищной птице, этот корабль был охотником: длинный, с низким бортом в середине и дерзким штевнем с резным изображением головы ястреба. На банках его размещались сорок гребцов. Построили корабль два брата-фриза. Они сбежали со своей родины и завели верфь на берегу Хамбра, на которой и соорудили «Сперхафока» из доброго мерсийского дуба и ясеня. Остов его образовали, прибав по одиннадцать длинных досок с каждого борта, потом установили мачту из упругой нортумбрийской сосны, укрепленную вантами и несущую рей, на котором гордо раздувался парус. Гордо, ведь на парусе красовался мой герб, символ Беббанбурга: оскаленная волчья голова. Волк и ястреб, оба охотники и оба свирепые. Даже Эгил Скаллагримрсон, презиравший, подобно большинству норманнов, корабли саксов, да и их моряков, неохотно признавал достоинства «Сперхафока».

– Впрочем, это ведь корабль не совсем саксов, – говорил он. – Его строили фризы.

Независимо от того, кто строил корабль, «Сперхафок» был великолепен, когда в туманной дымке летнего утра проскользнул через узкую горловину беббанбургской гавани. Минула неделя с той поры, как до меня дошли вести про «Свельве», – неделя, в течение которой мои рыбаки не отходили далеко от земли. По побережью, по всем беббанбургским гаваням распространился страх, и вот «Сперхафок» шел искать мести. Был прилив, ветер стих, гребцы старались изо всех сил, корабль преодолевал течение, оставляя за кормой разбегающийся след. Тишину нарушали только скрип весел в уключинах, шепот воды за бортами, плеск невысоких волн, накатывающих на берег, да одинокие крики чаек над могучими стенами Беббанбурга.

Сорок человек ворочали длинные весла, еще двадцать сгрудились или между банками, или на носовой площадке. Все были в кольчугах, только оружие, копья, секиры и мечи гребцов сложили посреди трюма вместе с грудой щитов. Финан и я стояли на короткой палубе для рулевых.

– Может, ветер попозже поднимется? – предположил Финан.

– А может, и нет, – буркнул я.

Финан не чувствовал себя уютно в море и никогда не понимал моей любви к кораблям. Со мной он пошел только потому, что ожидалась драка.

– Впрочем, убийц Хаггара наверняка уже давно след простыл, – проворчал он, когда мы вышли из ведущего в гавань пролива.

– Возможно, – согласился я.

– Тогда мы попусту тратим время.

– Вполне вероятно, – отозвался я. «Сперхафок» кивал носом на длинных, резких волнах, и Финан ухватился за ахтерштевень, чтобы не упасть. – Присядь и выпей эля, – посоветовал я ему.

Мы гребли в направлении на восток. По мере того как воздух разогревался, с запада задул легкий ветерок, достаточный, чтобы моя команда подтянула рей к верхушке мачты, развернув парус с волчьей головой, и гребцы с облегчением втянули весла. «Сперхафок» двигался вперед, рассекая ленивые волны. Земля растаяла в дымке у нас за кормой. Близ островов Фарнеа ловила рыбу пара суденышек, но, выйдя в открытое море, мы не видели больше ни корпусов, ни мачт, словно оказались совсем одни в целом свете. Пока корабль потихоньку нес нас на восток, я позволял рулевому веслу по преимуществу просто скользить по воде. Ветра едва хватало, чтобы наполнять тяжелый парус. Солнце потихоньку поднималось, большая часть моих людей спала.

Время для грез. И я пытался вообразить, как выглядит Гиннунгап – бездна между вечным пламенем и глыбами льда. Бездна, в которой сотворен был мир. Мы плыли посреди серо-голубой пустоты. Мои мысли блуждали так же неспешно, как шел корабль. Финан дремал. Частенько ветер затихал, и парус опадал, потом надувался с глухим хлопком, поймав новый

порыв. Единственным явным свидетельством, что мы движемся, служила легкая рябь, расходящаяся от кормы «Сперхафока».

И в этой пустоте я думал о королях и о смерти. Эдуард был пока жив. Он называл себя *Anglorum Saxonum Rex* – королем англов и саксов. Сначала захворал, потом выздоровел, заболел снова, и даже пронесся слух о его смерти. Но Эдуард был все еще жив. И это было хорошо, поскольку мне пришлось дать слово Этельстану, что, когда его отец умрет, я убью двух человек. Обещание-то я дал, а вот как смогу исполнить, не имел ни малейшего представления. Ведь чтобы сдержать слово, мне придется покинуть Нортумбрию и углубиться в Уэссекс. А для Уэссекса я был Утред Язычник, Утред Безбожник, Утред Предатель, Утред Элдердеофол, то есть Предводитель Демонов. Чаще всего меня называли просто Утредэrv, что означает «Утред Проклятый». В Уэссексе у меня имелось множество влиятельных врагов и мало друзей, поэтому оставалось одно из трех: я мог вторгнуться с небольшой армией, которая неизбежно будет разбита; мог пробраться с несколькими людьми, рискуя быть пойманным. Либо я мог нарушить обещание. Первые два выбора грозили мне смертью, третий – позорным клеймом человека, не сдержавшего слово, клятвопреступника.

У моей жены Эдит не было сомнений насчет того, как следует поступить.

– Нарушь клятву, – категорично заявила она.

Мы лежали в нашей опочивальне. Я пялился на потолочные балки, темные от копоти и ночного сумрака, и молчал.

– Пусть убивают друг друга, – втолковывала мне Эдит. – Эта драка – дело южан, не наше. Здесь нам ничего не грозит.

Тут она была права, в Беббанбурге мы были в безопасности, и все-таки ее настойчивость злила меня. Боги слышат наши обещания, и, нарушая клятву, мы рискуем навлечь на себя их гнев.

– Ты намерен погибнуть ради дурацкого обещания? – Эдит тоже разозлилась. – К этому ты стремишься?

Я хотел жить, но жить без пятна клятвопреступника на совести.

Рывок «Сперхафока» отвлек меня от тяжелых дум. Корабль ускорился, поскольку ветер усилился; я снова подхватил рулевое весло и ощутил, как дрожь судна передается через ясеневое веретено. Хотя бы тут выбор прост: чужаки убили моих людей, и мы плыли по покрытому рябью и сверкающему на солнце мириадами искр морю, чтобы отомстить.

– Мы уже дома? – спросил Финан.

– Мне показалось, что ты уснул.

– Задремал только, – буркнул Финан, потом встал и огляделся. – А там корабль.

– Где?

– Там. – Он указал на север.

Финан был самым зорким человеком из всех мне известных. Пусть он и постарел, глаз у него оставался таким же острым, как прежде.

– Только мачта, без паруса, – добавил он.

Я вглядывался в дымку на горизонте, но ничего не видел. Потом будто бы заметил на фоне серого неба неровную черточку, словно нарисованную углем. Мачта? Я потерял черточку из виду, снова нашел и повернул корабль на север. Парус сопротивлялся, пока мы не выбрали шкот правого борта, после чего «Сперхафок» снова накренился под напором ветра, и вода громче зажурчала за бортами. Мои воины просыпались, разбуженные внезапным оживлением судна, и стали высматривать далекий корабль.

– Паруса на нем нет, – доложил Финан.

– Ветер для него встречный, – пробормотал я. – Поэтому он идет на веслах. Купец, скорее всего.

Едва успел я договорить, как тонкая черточка на горизонте исчезла, сменившись распушенным парусом. Теперь я видел его хорошо: прямоугольное пятно большого паруса различить было куда проще, чем мачту.

- Он повернул в нашу сторону, – заметил я.
- Это «Банамадр», – заявил Финан.
- Гадаешь! – Я расхохотался.
- Это не догадка, – возразил мой друг. – На парусе орел. Это Эгил.
- Ты видишь орла?
- А ты нет?

Теперь оба корабля плыли навстречу друг другу, и вскоре я четко разглядел побеленную известью полосу поверху борта, хорошо заметную на фоне темных нижних досок корпуса. Отлично были видны также черный контур распростершего крылья орла на парусе и орлиная голова на штевне. Финан оказался прав – это был «Банамадр», что означает «Убийца». Корабль Эгила.

Когда «Банамадр» подошел ближе, я спустил парус и оставил «Сперхафок» качаться на резвых волнах. Для Эгила это был знак, что он может встать к нашему борту, и я смотрел, как его корабль забирает в сторону, подходя к нам. Он был поменьше «Сперхафока», но такой же узкий, фризской постройки, и утеха для Эгила – как все норманны, нигде тот не был более счастлив, чем в море. Я смотрел, как волны разбиваются о штевень «Банамадра». Тот продолжал поворачивать, тяжелый рей опустился, люди втянули парус и уложили рей со свернутым парусом по длине судна. Затем с точностью, о которой любой моряк может только мечтать, «норманн» скользнул вдоль нашего правого борта. Человек на носу «Банамадра» бросил конец, с кормы полетел еще один, и Эгил отдал приказ команде свесить парус или плащи поверх побеленной полосы, чтобы при соприкосновении мы не повредили борта друг друга.

- Ты занят именно тем, чем я предполагаю? – спросил он с улыбкой.
- Даром трачу время, – отозвался я.
- Может, и не даром.
- А ты?
- Караулю ублюдков, захвативших твои корабли, разумеется. Можно подняться на борт?
- Давай!

Норманн выждал, оценивая волну, потом прыгнул. Эгил – язычник, поэт, моряк и воин. Высокий, как я, он ходил с гривой длинных светлых волос. Его подбородок, острый, как штевень драккара, был чисто выбрит, у него были глубоко посаженные глаза, нос в форме секиры и улыбчивый рот. Мужчины легко проникались к нему расположением, а женщины еще легче. Я знал его всего год, но относился к нему с симпатией и доверием. По возрасту он годился мне в сыновья и привел семьдесят норманнских воинов, которые присягнули в обмен на земли, данные на южном берегу Туэда.

- Нужно идти на юг, – отрывисто заявил Эгил.
- На юг? – переспросил я.

Эгил кивком поприветствовал Финана:

– Утро доброе, лорд. – Он неизменно величал Финана лордом, что всех нас забавляло. Потом ярл посмотрел на меня. – Ты не даром тратишь время. Мы повстречали шотландского купца, плывшего на север, и он сказал, что видел в той стороне четыре корабля. – Эгил мотнул головой в южную сторону. – Это где-то в глубине моря, дальше от земли. Четыре саксонских корабля. Просто стояли. Один остановил его. Саксы потребовали три монеты за проход, а когда скотт отказался платить, забрали весь его груз.

- Они потребовали с него подать?
- От твоего имени.
- От моего имени?! – негромко, но раздраженно переспросил я.

– Я уже возвращался, чтобы сообщить тебе. – Эгил окинул взором «Банамадр», на котором находились четыре десятка воинов. – У меня маловато людей для схватки, но вдвоем мы, может, их и пощиплем?

– Сколько воинов на тех кораблях? – Финан оживился и вскочил на ноги.

– На том, что остановил скотта, было сорок. Еще два, по его словам, примерно таких же размеров, а четвертый поменьше.

– Пощиплем, – мстительно пообещал я.

Финан, слушая нас, наблюдал за командой Эгила. Трое дружинников с трудом снимали со штевня орлиную голову. Уложив тяжелую деревянную фигуру на короткий настил на носу, они поспешили на помощь остальным, отсоединяющим парус от рея.

– Что они делают? – осведомился Финан.

Эгил повернулся к «Банамадру».

– Если мерзавцы увидят корабль с орлом на парусе, то сообразят, что он боевой, – объяснил он. – А заметив моего орла, поймут, чье судно. Поэтому я решил заменить парус. – Норманн ухмыльнулся. – Корабль маленький, так что нас сочтут легкой добычей.

Я уловил его намек:

– Мне идти за тобой?

– На веслах, – уточнил он. – Если пойдешь под парусом, тебя быстрее заметят. Как только они клонут на «Банамадр» как на живца, ты поможешь мне подсечь их.

– Помогу? – Я презрительно фыркнул, и Эгил рассмеялся.

– Но кто они? – спросил Финан.

Этот же вопрос не давал мне покоя все время, пока мы плыли на юг. Эгил вернулся на свой корабль и, подняв парус из неброской бурой материи, шел впереди. Вопреки предложению Эгила, «Сперхафок» тоже шел под парусом, но на полмили позади «Банамадра». На случай если моим людям предстояло вступить в бой, я не хотел изматывать их греблей, поэтому мы договорились, что, заметив неизвестные корабли, Эгил повернет. Он сделает вид, что бежит к берегу, и тем самым, как мы надеялись, завлечет врага в нашу засаду. При его повороте я опущу свой парус, чтобы противник не различил волчьей головы, а принял нас за другое купеческое судно, обещающее стать легкой добычей. Голову ястреба со штевня мы убрали. Большие резные фигуры призваны были расположить богов, испугать противника и отогнать злых духов. Но обычай предписывал, что в мирных водах их следует снимать, поэтому, не будучи прибиты или крепко привязаны, они легко удалялись.

– Четыре корабля, – спокойно проговорил Финан. – Саксы.

– Причем умные, – сказал я.

– Умные? Ты считаешь, что дразнить тебя – умное занятие?

– Они нападают лишь на суда из Беббанбурга, а остальные грабят. Как думаешь, сколько пройдет времени, прежде чем Константин прослышит, что Утред Беббанбургский прибирает к рукам шотландский груз?

– Скорее всего, уже прослышал.

– И сколько пройдет времени, прежде чем скотты решат наказать нас? – задал я вопрос. – Пусть Константин сражается с Овейном из Страт-Клоты, у него есть корабли, и он может послать их разорять наше побережье. – Я смотрел на «Банамадр», слегка накренившийся под ветром и оставляющий белопенный след за кормой. Быстрый и маневренный маленький корабль. – Кто-то хочет втравить нас в распрю со скоттами.

– И не только со скоттами, – добавил Финан.

– Верно, – согласился я. – Мимо наших берегов проходят суда из Шотландии, Восточной Англии, Фризии и из всех родных земель викингов. Даже из Уэссекса. И у меня никогда не было заведено брать пошлину с их грузов. Если шотландский купец ведет мимо корабль, груженный шкурами или горшками, – это не мое дело. Конечно, если он зайдет в одну из моих

гаваней, то заплатит сбор, но так все поступают. Но тут в моих водах объявляется небольшой флот и начинает собирать пошлину от моего имени. Сдается мне, я догадываюсь, откуда пришел этот флот. И если догадка верна, явился он с юга, из земель Эдуарда, *Anglorum Saxonum Rex*.

«Сперхафок» врезался штевнем в зеленую волну, обдавая палубу густым дождем брызг. «Банамандр», подгоняемый крепнущим западным ветром, тоже зарывался носом. Оба судна шли на юг, чтобы выследить корабли, убившие моих людей. Если мои подозрения насчет этих разбойников справедливы, то мне предстоит свершить кровную месть.

Кровная месть – война между двумя семьями, поклявшимися ответить убийством на убийство. Первую такую войну я вел против Кьяртана Жестокого, вырезавшего всех домочадцев Рагнара Датчанина, усыновившего меня. Она была важна для меня и закончилась смертью Кьяртана и его сына. Но новая кровная вражда будет вестись против противника куда более могущественного. Врага с юга, из земель Эдуарда Уэссекского, где у него целая армия дружинников. Чтобы убить его, мне придется пойти туда, где его войско будет меня поджидать.

– Он поворачивает! – прервал Финан поток моих мыслей.

«Банамандр» и впрямь поворачивал. Парус его полз вниз, свет позднего утра играл на лопастях выдвигаемых весел. Длинные весла опустились и сделали гребок, и «Банамандр» устремился на запад, как если бы искал убежища в какой-то из нортумбрийских гаваней.

Похоже, время кровной мести пришло.

Мне нравился Этельхельм Старший. То был богатейший из уэссекских олдерменов, хозяин многих имений, радушный и даже щедрый человек. Тем не менее он умер моим врагом и пленником.

Я его не убивал. Взял в плен, когда он вышел на бой против меня, и обращался с ним с почетом, как этого заслуживал его ранг. Но потом он подхватил потовую горячку, от которой и угас, хотя мы заплатили двум христианским священникам, чтобы они за него молились. Мы укутали олдермена в шкуры и давали ему отвары из трав, способных, по словам женщин, его исцелить, но он умер. Его сын Этельхельм Младший посеял клевету, будто я убил его отца, и дал слово отомстить.

Я воспринимал Этельхельма Старшего как друга до тех пор, пока старшая его дочь не вышла за Эдуарда Уэссекского и не родила королю сына Эльфверда. Внук Этельхельма стал этелингом. Наследный принц Эльфверд! Обидчивый и капризный мальчишка, превратившийся в уныло-мрачного и самовлюбленного юношу, жестокого и тщеславного. Однако старшим сыном Эдуарда был не он, а Этельстан, который являлся также моим другом.

Так почему этелингом был не Этельстан? Потому что Этельхельм Старший распространил ложный слух, будто Этельстан и его сестра родились вне брака. Этельстана отправили в ссылку в Мерсию, где я повстречал мальчика и полюбил. Он вырос и стал воином, человеком справедливым, и единственное, на что я мог пенять, так это на чрезмерную приверженность христианскому Богу.

И вот Эдуард заболел. Люди понимали, что он скоро умрет. А когда это произойдет, начнется распря между сторонниками Этельхельма, желающего видеть на троне Эльфверда, и теми, кто видит в Этельстане лучшего кандидата на трон. Уэссекс и Мерсия, объединенные шаткой унией, окажутся в огне междоусобной войны. Именно Этельстан добился от меня клятвы в том, что после смерти короля Эдуарда я убью Этельхельма Младшего и тем самым обезглавлю знать, которая соберется на витан, чтобы утвердить на престоле нового государя.

Вот почему мне предстояло отправиться в Уэссекс, где кишмя кишели мои враги.

Я дал клятву.

И я не сомневался, что Этельхельм послал корабли на север с целью ослабить меня, отвлечь, а если посчастливится, то и убить.

В летнем мареве проступили очертания четырех кораблей. Они покачивались на волнах, но стоило нам появиться, как чужаки поставили паруса и устремились в погоню.

«Банамадр», изображающий бегство на запад, опустил парус. Мы, как только заметили поворот «Банамадра», тоже спустили парус, чтобы враг не мог разглядеть волчьей головы Беббанбурга.

– На весла! – обратился Финан к сидящим на банках. – Гребите!

Летняя дымка редела. Я видел, как далекие паруса надуваются пузом под порывами ветра и приближаются к Эгилу, который использовал всего по три гребца с каждого борта. Выставить больше весел означало выдать, что это не «купец», а корабль-змей, полный воинов. Какое-то время меня подмывало последовать его примеру, потом решил, что четыре далеких чужака едва ли испугаются одинокого боевого корабля. Численный перевес был на их стороне, и я не сомневался, что, если этих людей послали убить меня, они не откажутся воспользоваться предоставившейся возможностью.

Как раз на возможность я и собирался им намекнуть.

Вот только клюнут ли они на наживку? Чужаки догоняли «Банамадр», несомые свежим ветром, и я, решив открыться, велел моим людям снова поднять большой парус. Зрелище волчьей головы наверняка наведет врагов на размышления, но они, скорее всего, сочтут, что в предстоящей схватке, пусть даже против Утредэрва, победа будет за ними.

Поднимающийся парус захлопал, заполоскал, потом наполнился ветром, и «Сперхафок» накренился, набирая скорость. Весла втянули, гребцы натягивали кольчуги, разбирали щиты и оружие.

– Отдохните, пока есть время! – обратился я к ним.

Море уже покрылось белыми полосами, гребни волн закручивались в пенные барашки. «Сперхафок» зарывался носом, обдавая палубу брызгами, потом поднимался и врезался в новый вал. Рулевое весло становилось все более непослушным, требовало всей моей силы, чтобы тянуть или толкать его, и дрожало от напряжения. Я продолжал идти на юг, навстречу четырем кораблям, бросая им вызов; Эгил последовал моему примеру. Двое против четверых.

– Думаешь, это корабли Этельхельма? – спросил Финан.

– Чьи еще?

– Едва ли он на одном из них, – буркнул ирландец.

В ответ я рассмеялся:

– Ему и дома в Вилтунскире неплохо. Эти ублюдки – наемники.

Ублюдки выстроились теперь в линию, поперек нашего курса. Три корабля на вид величиной со «Сперхафок», четвертый, самый дальний к востоку, был не больше «Банамадра». Корабль этот, заметив наш поворот к югу, медлил, как бы не спеша в битву. Мы находились далеко, но мне показалось, что на нем очень мало людей.

В отличие от трех больших собратьев, державших курс прямо на нас.

– Народу там хватает, – хладнокровно заметил Финан.

– Встреченный Эгилом шотландец утверждал, что на остановивших его кораблях было человек по сорок.

– На мой взгляд, их там больше.

– Скоро выясним.

– И еще у них лучники.

– Вот как?

– Я их вижу.

– У нас есть щиты, – напомнил я. – Лучникам же нужен устойчивый корабль, а не лодка, прыгающая на волнах, как необъезженный жеребец.

Мой слуга Рорик подал мне шлем. Не дорогой, с серебряным волком на гребне, а повседневный, принадлежавший моему отцу и всегда хранившийся на борту «Сперхафока». Металлические его нащечники проржавели, их пришлось заменить сделанными из вываренной кожи. Я нахлобучил шлем, и Рорик подвязал нащечники так, чтобы враг мог видеть только мои глаза.

У трех кораблей герба на парусах не было, но у самого западного, ближайшего к невидимому нортумбрийскому берегу, красовалась свившаяся кольцами змея, вышитая, скорее всего, шерстяными нитками, как и наша волчья голова. Большой лоскут ткани усилили канатом, образующим ромб, а на его фоне и располагалось черное тело змеи. Под штевнем судна поднимался белый бурун.

Эгил развернул «Банамандр» так, что вместо притворного и неловкого бегства в сторону гаваней нортумбрийского побережья он шел теперь на юг рядом со «Сперхафоком». Подобно мне, ярл поднял парус – когда мы поравнялись, его люди крепили шкоты. Приставив ладони ко рту, я крикнул через разделяющую нас полосу бурливого моря:

– Я нацеливаюсь на второй! – Моя рука указала на судно рядом с тем, у которого на парусе красовалась змея. Эгил кинул, давая знать, что услышал. – Но нападку на тот, что со змеей! – продолжил я. – И ты тоже.

– Я тоже! – подтвердил он. Норманн улыбался во весь рот, светлые волосы, выбиваясь из-под обода шлема, развевались на ветру.

Враги рассредоточились так, что против каждого из нас приходилось по два корабля. Если их план сработает, они зажмут нас с обоих бортов, и работа для мечей будет короткой, ожесточенной и кровавой. Я уклонился немного по ветру в сторону второго с запада судна и укрепил в них надежду на успех. При этом заметил, как два других больших корабля слегка изменили курс так, чтобы оказаться именно в том месте, где мы должны были пересечь их линию. Между ними сохранялись значительные расстояния, как минимум по четыре или пять длин корпусов судна, но промежутки эти постепенно сокращались. Меньший корабль, не такой быстроходный, как другие, тащился позади.

Корабль Эгила шел медленнее моего, потому что был короче, и начал отставать. Я приказал потравить правый шкот, придерживая «Сперхафок», и помахал Эгилу, указывая на свой правый борт, чтобы он держался с этого фланга. Норманн понял, и «Банамандр» потихоньку расположился в нужном месте. Мы намеревались вступить в бой одновременно, но не там, где рассчитывал противник.

– Черт! – выругался Финан. – На большом ублюдке полно людей!

– На каком именно?

– На том, что посередине. Десятков семь, если не восемь.

– А на том, со змеей?

– Может, сорок или пятьдесят.

– Хватит, чтобы напугать «купца», – сказал я.

– Ну, нас-то им не запугать, – процедил он.

Три больших судна продолжали идти на нас, уверенные в своем превосходстве.

– Остерегайся того ублюдка, – сказал ирландец, указывая на корабль посередине, с самым многочисленным экипажем.

Я смотрел на этот корабль. На носу у него возвышался выбеленный известью крест.

– Не важно, сколько людей у них, – ответил я. – Они убеждены, что нас всего сорок.

– Неужели? – Моя уверенность, похоже, удивила его.

– Они пытали Хаггара, – пояснил я. – Что мог он им сказать? Мерзавцы наверняка спрашивали, как часто наши суда выходят в море и какая на них команда. Его ответ?

– Что ты держишь в гавани два корабля, «Сперхафок» самый крупный из них и берет на борт сорок человек, иногда меньше.

– Вот именно.

– И что, как правило, в море его выводит Берг.

Берг – младший брат Эгила. Много лет назад я спас ему жизнь на валлийском берегу, и с тех пор он верой и правдой служил мне. Берг очень расстроился, что его не взяли в этот поход, но, пока мы с Финаном находились в море, он был лучшим начальником для оставленного в Беббанбурге гарнизона. Обычно я доверял это место сыну, но тот сейчас находился в срединных горах Нортумбрии, улаживал спор между двумя моими держателями.

– Они полагают, что нас около сорока, – сказал я. – Да на «Банаматре» еще десятка три. Я рассмеялся, потом коснулся рукояти моего меча, Вздоха Змея, и крикнул Эгилу:

– Пора! Поворачивай!

Я налег на рулевое весло в направлении на ветер, и «Сперхафок» зарылся носом, прибавив хода.

– Ту же парус! – последовал мой приказ. Ловушка сработала, и вскоре «змее» предстояло узнать, как дерутся «волк» и «орел».

Парус «Сперхафока» выбрали втугую, чтобы снова придать ему скорость. Он был быстрее вражеских кораблей. Всякий раз, когда корабль-змея всходил на волне, я замечал густую бороду из водорослей у него на днище. Он был тихходным. Мы во время отлива вытаскивали наши корабли и соскребали поросль с корпуса, поэтому шли быстро.

– Я хочу потопить ублюдка! – крикнул я, снова повернувшись к «Банаматру». – Потом поворачиваем на восток, за вторым!

Эгил помахал, подтверждая, что слышал. Но это было не столь уж важно. «Сперхафок» мчался вперед, идя так круто к ветру, насколько я осмеливался держать, и при этом стремительно чертил по морю свою борозду, вздымая белый бурун под штевнем. Он летел на врага как птица, давшая ему имя, и Эгил без моей подсказки быстро сообразил бы, что я затеял.

– Хочешь таранить его? – спросил Финан.

– Если получится, – ответил я. – Займи место на носу. Если не смогу ударить как надо, перебирайся на него и убей их рулевого. А потом сбрось за борт рулевое весло.

Финан поспешил вперед, призывая своих людей следовать за ним. Мы приблизились к кораблю-змее настолько, что могли рассмотреть отряд воинов на его носу и копья в их руках. Шлемы сверкали на солнце. Один из врагов держался за форштаг¹, другой грозил копьем. В центре судна располагались стрелки, уже натянувшие на луки тетивы.

– Беорнот! Фолькбальд! – крикнул я. – Сюда! Несите щиты!

Беорнот могучий, надежный сакс, а Фолькбальд, великан-фриз, – сильнейший из моих воинов.

– Будете меня прикрывать, – велел я. – Видите тех лучников? Их цель – я.

Рулевой располагается в самом уязвимом месте на судне. Большинство моих воинов укрывались в трюме «Сперхафока», за поднятыми щитами. Финан и шестеро его бойцов также прикрывались, но мне-то приходилось стоять у рулевого весла. Стрелы скоро полетят. Мы сблизались настолько, что я видел шляпки гвоздей, вбитых в борта корабля-змея. Я посмотрел налево. Три других вражеских корабля поняли, куда мы идем, и повернули на помощь, но в результате этого поворота они пошли навстречу ветру, и паруса их прижало к мачтам. Матросы засуетились, спуская паруса, и вставляли весла в уключины. Но они не успевали, и корабли пятились, подпрыгивая на набегающих волнах.

– Пора! – прорычал Беорнот и вскинул щит: вражеские лучники выпустили стрелы.

С полдюжины стрел воткнулось в парус, остальные упали в море. В моих ушах раздавался шум волн, свист ветра в снастях. Потом я повернул рулевое весло, со всей силы навалившись на тяжелый валец, и заметил, что корабль-змея поворачивает на нас. Да только их рулевому

¹ *Форштаг* – снасть, удерживающая мачту со стороны носа.

следовало сделать это мгновением раньше, теперь уже поздно. Мы подошли близко и продолжали приближаться.

– Копья! – предупредил с носа Финан.

– Приготовиться! – взревел я.

Стрела скользнула по железному ободу щита Фолькбальда, острие копья оставило зарубку на палубе у меня перед ногами. Затем «Сперхафок» накренился, совершая поворот, и под порывом ветра обмакнул борт. Я пошатнулся, стрела с силой вонзилась в ахтерштевень. Тут «Сперхафок» выровнялся, парус его заполоскало, когда мы встали носом к ветру, из шпигатов бежала вода. А перекрывая плеск волн и вой ветра, слышались тревожные возгласы врага.

– Держись крепче! – скомандовал я своей команде.

И мы ударили.

Корабль с силой вздрогнул, резко остановившись. Раздался треск ломающегося дерева, испуганные крики, шум воды, проклятия. Бакштаг² рядом со мной угрожающе натянулся, и на миг мне показалось, что наша мачта рухнет на нос, но сплетенный из тюленьей шкуры канат выдержал, хотя и задрожал, как задетая на арфе струна. Беорнот и Фолькбальд оба упали. «Сперхафок» въехал носом на вражеский корабль и теперь со скрежетом освобождался. Идя на таран, мы повернули прямо на ветер, и я боялся, что корабль потеряет ход и удар окажется недостаточно сильным, но разгона «Сперхафока» хватило, чтобы смять корпус «змея». Наш парус лег на мачту и отжимал нас назад, но, похоже, нос застрял во вражеском борту, потому что оба корабля оставались сцепленными. «Сперхафок» дал легкий крен на левый борт и, к моему ужасу, начал медленно оседать на нос. Потом раздался громкий скрип, «Сперхафок» вздрогнул, что-то затрещало, и судно резко выпрямилось. Наш штевень зажали разломанные доски корабля-змея, но мы высвободились.

«Змей» тонул. Мы ударили в него штевнем, самой крепкой частью корпуса «Сперхафока», и низкий фальшборт неприятеля раскололся, как яичная скорлупа. Вода хлынула внутрь, судно накренилось, трюм, нагруженный балластными камнями, быстро затопливался. Команда «змея», вся в кольчугах, была обречена, за исключением тех, кто успел уцепиться за наш корабль. Мы отошли назад и развернулись навстречу другим вражеским судам, а те, выдвинув наконец весла, устремились в атаку. Нас качало на волнах. Я скомандовал своим людям, чтобы выбрали левый шкот и потравили правый. Справа от меня корабль-змей лежал на боку среди белой пены, в окружении обломков. Потом он исчез, и последнее, что мы видели, – это маленький треугольный вымпел на верхушке накрененной мачты.

Я налег на рулевое весло, уповая на то, что «Сперхафок» набрал достаточный ход, чтобы откликаться на движения широкой лопасти, но он еще плохо слушался. Пленников, общим числом пятерых, втянули внутрь, люди Финана избавили их от кольчуг, шлемов и мечей.

– Сзади! – крикнул встревоженный Фолькбальд.

Ближайший из врагов, корабль с белым крестом на высоком штевне, надвигался на нас. Величиной он был как «Сперхафок» и казался тяжелее. Команда на нем располагалась более многочисленная, чем на «змее», но на весла капитан посадил всего двадцать четыре человека, по дюжине с каждого борта, потому что остальных готовил для прыжка на «Сперхафок». Облаченные в шлемы воины толпились на носу и, еще гуще, в средней части. По меньшей мере человек семьдесят, а то и больше. Запели первые стрелы. Они в основном угодили в наш парус, но одна просвистела рядом со мной. Я инстинктивно пошарил рукой, проверив, при мне ли Вздох Змея и Осиное Жало, и позвал Рорика.

– Да, господин! – откликнулся он.

– Приготовь мой щит!

² *Бакштаг* – снасть, удерживающая мачту со стороны кормы.

Корабль с крестом на носу надвигался, а ветер увлекал нас ему навстречу. Враг шел медленно, потому что выгребал против ветра, был тяжелым и гребцы на нем явно неважные, так что едва ли он мог протаранить нас, как мы «змея», зато его воины могли с легкостью спрыгивать с высокого носа прямо в наш широкий трюм.

Тут наш курс внезапно пересек «Банамадр». Он шел по ветру, и я видел, как Эгил орудует кормовым веслом, поворачивая на крестоносный корабль. Рулевой на нем заметил приближение норманна и, хотя «Банамадр» был раза в два меньше, испугался тарана. Он приказал гребцам левого борта табанить, чтобы встретить угрозу со стороны Эгила носом. Он был уже так близко от нас, так близко! Я двинул рулевое весло – оно не сопротивлялось, а это означало, что «Сперхафок» не набрал ход и его гонит ветром к противнику. Бросив весло, я принял от Рорика щит.

– Приготовиться! – крикнул я и потянул Осиное Жало, мой сакс. Короткий клинок с шелестом вышел из подбитых войлоком ножен.

Вражеский корабль повернул в сторону Эгила, подходя бортом к нам. Его команда, в доспехах и при оружии, построилась для абордажа. С полдюжины стрелков вскинули луки. Потом в чреве вражеского корабля началась суета – это «Банамадр» скользнул вдоль его бак-борта, ломая весла. Вальки весел с силой ударили в живот гребцам, корабль вздрогнул, лучники покачнулись, и выпущенные ими стрелы прошли мимо. Отдав шкоты и позволив парусу свободно полоскаться, Эгил повернул нос судна так, чтобы он притерся к корме неприятеля. Его парни с секирами на длинных рукоятках стояли наготове. Штевень «Банамадра» скользнул по кормовой раковине противника, оба судна вздрогнули, секиры упали, стягивая корпуса. Первый норманн с боевым кличем перепрыгнул на корму «крестоносного».

Затем пришел наш черед. Сначала мы врезались противнику в весла правого борта, ломая и разбивая их в щепы. Это на миг задержало его. Один верзила, с перекошенным в крике ртом, прыгнул на «Сперхафок», но корабль дернулся в сторону во время его прыжка, и полный ярости крик перешел в вопль ужаса, когда смельчак упал между судами. Он лихорадочно пытался уцепиться за наш планширь, но мой воин сбросил его руки, и бедняга исчез, утнутый на дно весом своей брони. Ветер прижал корму нашего судна к корме неприятеля, и я перепрыгнул на его рулевую площадку, поддержанный Фолькбальдом и Беорнотом. Свирепые норманны Эгила уже зарезали рулевого и теперь дрались в середине судна. Я скомандовал своим следовать за мной и спрыгнул. Подвернувшийся мне на пути юнец, совсем еще мальчишка, завизжал от страха. Я пинком загнал его под банку для гребцов и велел сидеть там и не высовываться.

– Другой ублюдок на подходе! – крикнул со «Сперхафока» Осви – он был прежде моим слугой и вырос в славного бойца.

Я увидел, что последний крупный вражеский корабль идет на помощь судну, на которое мы навалились. Торольф, брат Эгила, оставался на «Банамадре» всего с тремя дружинниками; они отвалили от «крестоносного», позволив ветру отвести их с пути приближающегося корабля. Большинство моих воинов перепрыгнули вслед за мной, но нам негде было развернуться. Широкий трюм корабля полнился сражающимися. Норманны Эгила теснили врагов от банки к банке, их «стена щитов» перегородила большой корабль. Команда неприятеля оказалась зажата между неистовыми бойцами Эгила и людьми Финана, которые сумели пробиться к площадке на носу и, засев там, разили врага копьями. Главной нашей задачей было теперь отбить атаку третьего корабля, шедшего к нам на веслах. Я вернулся на рулевую площадку.

У приближающегося корабля тоже был крест на штевне, как у того, на котором мы сейчас вели бой. Крест темный, из просмоленного дерева, а за ним толпились воины с оружием и в шлемах. Корабль был тяжелым и тихоходным. Человек на носу выкрикивал распоряжения рулевому, указывая рукой на север. Медленно большой корабль повернул в ту сторону. Люди у него на баке вскинули щиты. Они намеревались навалиться на нашу корму и ударить дружин-

никам Эгила в спину. Гребцы по правому их борту вынимали длинные весла из уключин, и большое судно неспешно дрейфовало к нам. Гребцы разобрали щиты и вытащили мечи. Щиты без рисунка: ни креста, ни иного символа. Если этих людей послал Этельхельм, а я все больше укреплялся в этой мысли, им явно дали наказ скрывать правду.

– «Стена щитов»! – скомандовал я. – И держитесь!

Со мной на рулевой площадке находилось еще с десятков людей. Больше тут места не было, однако враги, толпившиеся на носу, намеревались составить нам компанию. Я выглянул в щель в палец шириной, остававшуюся между моим щитом и щитом Фолькбальда, и разглядел мощный штевень всего в нескольких футах от нас. Он приподнялся на волне, а потом врезался в нас, разломав планширь. Черный нос большого корабля заскрежетал по нашей корме, и я пошатнулся от толчка. Помнится, кто-то прыгнул на меня, занеся секиру; я поднял щит и почувствовал сотрясение, когда лезвие вгрызлось в ивовую доску.

Почти всякая схватка на корабле представляет собой мешанину слишком тесно прижатых друг к другу людей. В бою даже самая вышколенная «стена щитов» норовит раздаться вширь, потому что воины стремятся получить простор для своего оружия, но на корабле нет для этого места. Есть только смрадное дыхание врага, старающегося тебя убить, плотная масса людских тел и стали, стоны пронзенных клинками несчастных, смрад крови, стекающей по шпигатам, и смертоносная давка на неустойчивой палубе. Вот почему я извлек Осиное Жало. Это короткий клинок, не длиннее моего предплечья, но в этой гибельной давке нельзя орудовать длинным мечом.

Вот только давки не случилось. Корабль ударил, сломав нам планширь, но, хотя немалое число врагов изготавились прыгнуть на нас, волны приподняли и отнесли их судно назад. Недалеко, всего на несколько шагов, но первые из прыгнувших попадали в воду, когда борта разошлись. Секирщик, оружие которого засело в моем щите, распростерся на палубе; Фолькбальд, стоявший справа от меня, махнул своим саксом, и воин завизжал как дитя, когда клинок пронзил кольчугу, проломил ребра и вошел в легкие. Я пнул его искаженное криком лицо, ткнул Осиным Жалом в густую бороду и увидел, как кровь брызнула на белесые доски палубы.

– Еще идут! – раздался за спиной крик Беорнота.

Я дернул Осиное Жало вбок, расширяя окровавленный разрез на глотке секирщика, потом вскинул щит и присел. Густая тень вражеского штевня снова нависала над нами, он снова врезается в наш борт, затем что-то тяжелое обрушилось на мой щит. Я не понял, что это, но заметил капающую с железного обода кровь.

– Поймал его! – вскричал Беорнот.

Он стоял сразу за мной и, подобно большинству воинов второй шеренги, сжимал копье с ясеневым древком, держа его наклоненным в сторону высокого носа вражеского корабля. Прыгавшие рисковали оказаться нанизанными на длинные острия. Очередная волна развела суда в стороны, и умирающий соскользнул с моего щита, когда Беорнот выдернул копье из его тела. Бедолага еще дергался, и Осиному Жалу снова нашлась работа.

Палуба к этому времени стала красной и липкой. Еще один противник, с перекошенным от ярости лицом, совершил гигантский скачок, ударив своим щитом с намерением проломить нашу линию, но Беорнот налег на меня со спины, и щит врага грохнул о мой, а сам он покачнулся в сторону борта. Он нанес укол саксом мимо моего щита, его щербатый рот раззявился в безмолвной злобе. Но клинок врага скользнул по кольчуге, я же двинул щитом вперед, и детина с проклятием сделал шаг назад. Я толкнул снова, и он заорал во всю мочь, летя в прогал между кораблями.

Ветер прижимал нас обратно к большому судну. Нос его на добрых три фута возвышался над нашей кормой. Пятерым удалось перескочить к нам на борт, и все пятеро погибли, и теперь те, кто располагался за высоким штевнем, попытались достать нас копьями. Уколы получались слабыми и только барабанили по нашим щитам. Какой-то человек подбадривал воинов:

– Это язычники! Потрудитесь во славу Божию! Захватите их и перебейте!

Но им не хватало духу взять нас на abordаж. Для этого пришлось бы прыгать на подставленные копья, поэтому враги потянулись к середине корабля, откуда им было бы легче к нам перебраться, да только парни Эгила уже покончили со своими противниками и ждали новой драки.

– Беорнот! – Мне кое-как удалось протиснуться через вторую шеренгу. – Оставайся тут. Не давай этим ублюдкам покоя.

Я оставил ему шестерых в помощь, а остальных повел к залитому кровью шкафуту.

– Осви! Фолькбальд! Мы перебираемся! Все вместе! Пошли!

Волны и ветер разворачивали нас так, что в любой миг корабли могли встать борт к борту. Собравшиеся в своем трюме враги выжидали. Ублюдки построили «стену щитов», и это говорило мне, что брать нас на abordаж они не собираются. Напротив, в их планы входит заманить нас на свой корабль и обломать зубы об их щиты. Враги не кричали, и вид у них был напуганный, а струсивший враг уже наполовину побежден.

– Беббанбург! – взревел я, шагнул на гребную банку, разбежался и прыгнул.

Человек, обозвавший нас язычниками, не унимался:

– Бейте их! Бейте!

Он стоял на высокой носовой палубе, откуда отряд в дюжину противников метал в Беорнота и его товарищей бесполезные копья. Остальная часть команды, по моим прикидкам не больше сорока человек, противостояла нам в темном чреве корабля. Воин напротив меня – юнец с круглыми от ужаса глазами, в кожаном шлеме и со стареньким щитом – подался назад, когда я коснулся палубы.

– Сдохнуть хочешь! – рыкнул я. – Бросай щит, малый, и будешь жить.

Не вняв совету, он поднял щит и ударил им меня. Наноса удар, он вскрикнул, хотя ничего плохого с ним не произошло. Я встретил его щит своим, развернув так, чтобы и щит юнца повернулся, открывая тело для смертоносного укола Осиным Жалом, пришедшегося в низ живота. Я дернул клинок вверх, потроша противника, как упитанного лосося. Справа от меня был Фолькбальд, слева Осви, и вдвоем мы прошли через жидкую «стену щитов», переступая через убитых и поскальзываясь в крови.

– Я взял корму! – донесся возглас Финана.

Справа на меня наскочил человек. Фолькбальд подставил ему ногу, Осиное Жало скользнуло по его глазам. Он еще вопил, когда здоровяк-фриз вышвырнул его за борт. Обернувшись, я увидел, что Финан и его люди заняли рулевую площадку. Они занимались тем, что скидывали в море убитых, да и живых, как я подозревал, тоже. Враги оказались теперь расколоты на две группы: одна на корме, другая между моими дружинниками и людьми Финана, к которым присоединились и рьяные дружинники Эгила. Сам Эгил, орудуя своим мечом Аддером, красным по рукоять, расчищал дорогу между гребными банками. Противники шарахались от свирепого норманна.

– Бросайте щиты! – обратился я к врагам. – Складывайте оружие!

– Бей их! – голосил человек на носу. – Бог с нами! Нас нельзя победить!

– Зато можно убить, – фыкнул Осви.

При мне было двадцать воинов. Десятерых я оставил сдерживать находившихся позади, прочих повел к носу. Мы били мечами по щитам, мы выкрикивали оскорбления; мы являли собой надвигающуюся погибель, и неприятели сломались. Они побросали щиты, положили оружие и опустили в знак покорности на колени. На корабль перебирались мои люди и норманны Эгила. Вскрик поведал мне о смерти человека у меня за спиной, но это был последний вскрик, потому что вражеская команда была побеждена. Я посмотрел направо и увидел, что самый маленький неприятельский корабль поставил парус и идет на юг. Он убегал.

– Эта битва закончилась, – обратился я к врагам, теснившимся под крестом, украшавшим штевень корабля. – Не стоит умирать ни за грош.

Мы потопили одно судно и захватили два.

– Складывайте щиты! – продолжил я, делая шаг вперед. – Все кончено!

Щиты загремели по палубе. На доски упали мечи и копья. Все сдались, кроме одного упрямого воина. Всего одного – молодого, высокого, с густой белой бородой и яростными очами. Он стоял на носу, держа длинный меч и простой щит.

– Бог с нами! – взывал он. – Бог нас не оставит! Бог никогда не подведет! – Упрямец громыхнул клинком по щиту. – Поднимите оружие и убейте их!

Ни один из его товарищей не шелохнулся. Они понимали, что побиты, и надеялись только на милость с нашей стороны. Юнец, поверх кольчуги у которого висело на серебряной цепи распятие, в последний раз ударил мечом, сообразил, что остался один, и, к моему изумлению, спрыгнул с носовой площадки и сделал два шага по направлению ко мне.

– Ты Утредэрв? – осведомился он.

– Кое-кто так меня называет, – любезно признал я.

– Нас послали убить тебя.

– Не вам первым дают такое поручение, – сказал я. – Кто ты?

– Избранник Божий.

Лицо его обрамлял шлем, искусной работы вещь, окованная серебром и с крестом на шишаке. Красивый был молодец, высокий и гордый.

– У Божьего избранника есть имя? – спросил я.

Сунув Осиное Жало Осви, я выхватил из подбитых войлоком ножен Вздох Змея. Божий избранник решил драться, причем один на один, так что Вздоху Змея достанет места, чтобы излить свою ярость.

– Мое имя Бог ведает, – гордо ответил юнец. Он обернулся. – Отче!

– Сын мой! – отозвался резкий голос.

Говорил священник, что стоял среди копейщиков на носу, и по этому скрежещущему голосу я узнал того, кто подбадривал воинов убивать нас.

– Если я умру, то попаду на небо? – с искренним волнением спросил юнец.

– Сын мой, сегодня же будешь рядом с Богом. Среди блаженных святых! Потрудись же во имя Господне!

Молодец опустил на миг на колени, закрыл глаза и неуклюже перекрестился рукой, держащей меч. Люди Эгила, мои дружинники и выжившие враги смотрели на все это. Кое-кто из моих воинов-христиан тоже осенил себя крестом. Молятся они за меня или просят прощения за то, что захватили корабль с крестом на штевне?

– Не валяй дурака, парень, – посоветовал я.

– Я не дурак, – гордо возразил он, поднимаясь. – Бог не выбрал бы дурака для удобного Ему дела.

– Это какого же?

– Избавить землю от твоего подлого существования.

– По моему опыту, – заметил я, – твой Бог почти всегда выбирает дураков.

– Ну, тогда я дурак Божий, – с вызовом провозгласил юнец.

За спиной у него загремело, и он в испуге обернулся, но увидел, что это всего лишь еще один из его товарищей бросил на палубу щит и копье.

– Тебе не помешало бы крепче верить, – укорил он труса, а потом повернулся и кинулся на меня.

Само собой, он был храбрым. Храбрым и глупым. Он знал, что обречен на смерть. Может, и не от моей руки, ведь, если даже ему удастся убить меня, мои люди изрубят его в куски. Идиот отдавал себе в этом отчет и понимал, что жить ему осталось считанные минуты, но надеялся

обрести новую жизнь в залитой солнцем сукотище христианского рая. Верил ли парень, что способен победить меня? В бою все возможно. Он вполне мог сразить меня, если преуспел в обращении с мечом и щитом – этих искусствах, делающих воина великим. Но похоже, вера его коренилась не в кровью и потом обретенном мастерстве, а в надежде на то, что его Бог спустится с небес и дарует ему победу. Вот эта глупая вера и гнала его в бой против меня.

Пока он молился, я высвободил левую руку из внутренней скобы щита и теперь держал его только за внешнюю петлю. Противник это наверняка заметил, но значения не придал. Щит и меч я опустил, дожидаясь, пока враг не окажется в шести или семи шагах от меня, потом отвел левую руку и бросил щит. Метнул я его понизу с силой и целился ему в ногу. Расчет оказался верным: он споткнулся о щит, корабль подпрыгнул на волне и малый отлетел к банке. Я сделал шаг вперед, одним взмахом Вздоха Змея рубанул по его мечу, и тот с глухим звуком переломился. Пока две трети его клинка скользили по доскам, он в отчаянии попытался достать огрызком мое бедро. Я перехватил его кисть и крепко сжал.

– Неужели тебе и впрямь так нейдет умереть? – поинтересовался я.

Он вырывался из моей хватки, потом попытался ударить меня окованным краем щита, но тот только шлепнул меня по бедру.

– Дай мне другой меч! – потребовал юнец.

Я рассмеялся:

– Повторяю вопрос, дурень: тебе и в самом деле так нейдет умереть?

– Бог велел мне убить тебя!

– Бог? Или священник, наливший яда в твои уши? – уточнил я.

Он снова дернул щитом, и мне пришлось поставить Вдох Змея так, чтобы помешать ему.

– Бог велел мне, – упрямо повторил юнец.

– Тогда твой Бог такой же дурак, как и ты, – отрезал я. – Откуда ты появился, глупец?

Парень помялся, но я выкрутил ему кисть и больно заломил руку.

– Из Уэссекса, – пробормотал он.

– Это я по твоему говору понял. Откуда именно из Уэссекса?

– Андефера, – против воли признался он.

– А Андефера находится в Вилтунскире, – сказал я. Он кивнул. – Где олдерменом является Этельхельм, – добавил я и заметил, как вздрогнул юнец, услышав имя. – Бросай меч, парень.

Он упирался, но я снова выкрутил ему кисть, и ему пришлось бросить огрызок меча. Судя по рукояти с золотой инкрустацией, оружие было дорогим, но сломалось при ударе Вздоха Змея. Я швырнул эфес Осви.

– Возьми этого набожного дурака и привяжи его к мачте «Сперхафока», – распорядился я. – Пусть живет.

– Вопрос в том, выживет ли «Сперхафок», – сухо заметил Финан. – У него течь.

Я бросил взгляд через палубу захваченного корабля и убедился, что Финан прав.

«Сперхафок» тонул.

Тараня первого противника, «Сперхафок» проломил две доски и начал погружаться носом. Когда я перебрался на него, он уже глубоко осел. Гербрухт, великан-фриз, разломал палубный настил, и теперь люди переносили балластные камни на корму, чтобы выровнять судно.

– Господин, мы сможем залатать его! – крикнул Гербрухт, заметив меня. – Течь только с одного борта.

– Люди нужны? – спросил я.

– Сами управимся!

Эгил прошел следом за мной на корму «Сперхафока».

– Последний уходит, – пробормотал он, глядя на меньший из вражеских кораблей, который почти уже скрылся за южным горизонтом.

– Мне бы этот спасти, – мрачно отозвался я.

Гербрехт уверял, что способен заделать течь в борту «Сперхафока», но ветер свежел, и волна поднималась. Около дюжины парней откачивали из трюма воду, некоторые даже пустили в ход шлемы, чтобы вычерпывать ее.

– Впрочем, мы можем дойти до дома на одном из этих. – Я кивнул в сторону двух захваченных судов.

– Куски дерьма, – отмахнулся Эгил. – Слишком тяжелые!

– Для перевозки груза сгодятся.

– Пустить их на дрова – больше толку будет.

Гербрехт затыкал материей щели между сломанными досками, остальные орудовали черпаками. Один из захваченных нами кораблей тоже дал течь – тот, что был с белым крестом: его повредили, когда последнее вражеское судно вступило в бой. Оно ударило ему в корму, и доски обшивки разошлись в районе ватерлинии. Мы перевели на этот корабль большую часть пленников, забрав у них кольчуги, щиты и шлемы. Перегрузили к себе парус, новый и дорогой, и припасы, оказавшиеся весьма скудными: немного твердого как камень сыра, мешок плесневого хлеба и два бочонка эля. Дав им всего шесть весел, я приказал рубить концы.

– Ты их отпускаешь? – удивился Эгил.

– Не хочу кормить этих ублюдков в Беббанбурге, – пояснил я. – Да и далеко ли они уйдут? Есть-пить им нечего, паруса нет. Половина раненые, и судно течет. Если у них есть хоть капля мозгов, они погребут напрямик к берегу.

– Против ветра. – Эгила позабавила эта мысль.

– А добравшись до берега, окажутся на нем безоружными, – продолжил я. – Вот вам и добро пожаловать в Нортумбрию.

Мы освободили одиннадцать рыбаков из экипажей «Гидены» и «Свельве» – их заставили орудовать веслами на вражеских судах. Пленники наши все оказались из Уэссекса или из Восточной Англии – подданные короля Эдуарда, если тот еще был жив. Дюжину я захватил с собой в Беббанбург, в том числе попа, так пламенно призывавшего убивать нас. Его доставили ко мне на «Сперхафок». Судно все еще глубоко зарывалось осевшим носом, однако Гербрехту удалось устранить основную течь, да и перенос балласта помог выровнять корабль.

Священник был молодой, коренастый, круглолицый, с черной шевелюрой и мрачный. Мне он показался смутно знакомым.

– Мы встречались? – спросил я.

– Слава Всевышнему, нет.

Он стоял прямо под рулевой площадкой, под охраной ухмыляющегося Беорнота. Мы подняли парус и шли на север, домой, подгоняемые свежим западным ветром. Большинство моих людей находились на захваченном нами большом корабле, и лишь немногие оставались на «Сперхафоке», все они продолжали откачивать воду. Молодец, поклявшийся меня убить, так и стоял, привязанный к мачте, и тарашился на меня.

– Тот юный глупец родом из Уэссекса, – обратился я к попу, кивнув в сторону парня. – А вот ты, судя поговору, мерсиец.

– У Царствия Христова нет границ, – заявил он.

– В отличие от моего милосердия, – процедил я. Священник промолчал. – Я из Нортумбрии, – продолжил я, не обращая внимания на его дерзость. – В Нортумбрии я олдермен. Ты обязан называть меня лордом.

Он молчал, только зло смотрел на меня. «Сперхафок» шел валко, неохотно всходил на волну, но плыл, и мы держали курс на дом. «Банамандр» и захваченный корабль шли рядом,

готовые снять нас, если «Сперхафок» начнет тонуть, но во мне с каждой минутой крепла уверенность, что мое судно дотянет до берега и мы его починим.

– Ты обязан называть меня лордом, – повторил я. – Откуда ты?

– Из Царствия Христова.

Беорнот отвел мясистую ручищу, чтобы ударить попа, но я покачал головой.

– Ты понимаешь, что нам грозит опасность утонуть? – спросил я у священника, хранившего упрямое молчание. У меня были причины сомневаться в способности пленника понять по поведению «Сперхафока», что он не только не погружается, но даже обретает былую прыть. – И когда судно пойдет ко дну, – заговорил я снова, – я привяжу тебя к мачте рядом с тем молодиком. Если, конечно, ты не сообщишь мне то, что я хочу знать. Откуда ты?

– Родился я в Мерсии, – скрепя сердце, признался он. – Но Господу угодно было послать меня в Уэссекс.

– Если он еще раз не обратится ко мне «лорд», можешь треснуть его так сильно, как захочешь, – сказал я Беорноту. Потом улыбнулся попу. – Куда именно в Уэссексе?

– Винтанкестер, – процедил он, помедлил, а затем, почувствовав, что Беорнот пошевелился, торопливо добавил: – Лорд.

– И что делал священник из Винтанкестера на корабле у берегов Нортумбрии?

– Нас послали убить тебя! – рявкнул он, потом ойкнул, когда Беорнот отвесил ему затрепину.

– Отче, черпай крепость во Господе! – воззвал к нему молодец у мачты.

– Как зовут того придурка? – поинтересовался я, хмыкнув.

Священник помедлил немного, бросив на юношу косой взгляд.

– Вистан, лорд, – сказал он.

– А тебя как величать? – осведомился я.

– Отцом Сеолнотом. – Он снова помолчал, прежде чем добавить «лорд».

Тут я понял, почему он показался мне знакомым и откуда взялась его ненависть. И рассмеялся.

Мы вернемся домой.

Глава 2

Мы довели «Сперхафок» до дома. Это оказалось нелегко. Гербрухт замедлил приток воды, но узкий корпус все равно тяжело всходил на послеполуденную волну. Я поставил дюжину парней отчерпывать воду и опасался, что ухудшающаяся погода добьет корабль, но налетающий порывами ветер смиловился и перешел в устойчивый западный. Бурное море успокоилось, и парус с волком потихоньку нес «Сперхафок» на север. Уже смеркалось, когда мы достигли островов Фарнеа и проковыляли мимо них. На небе багровой полосой, яростной, как огонь в горне, полыхал закат, на фоне его резко обрисовывались очертания стен Беббанбурга. Валящаяся с ног команда провела раненый корабль по узкому фарватеру в гавань. Мы пришвартовали «Сперхафок»; за следующее утро мне предстояло послать упряжку волов, чтобы вытащить его за черту прилива, где можно будет починить нос. «Банамадр» и захваченный корабль вошли в порт следом за нами.

Во время долгого пути домой я пытался поговорить с отцом Сеолнотом, но он угрюмо отмалчивался. Вистан, юнец, вбивший себе в голову, будто его Бог хочет моей смерти, впал в отчаяние, и толку от него тоже было мало. Я спросил у обоих, кто послал их на север убить меня, но ни один не ответил. Вистана я отвязал от мачты и подвел к куче трофейных мечей.

– Бери любой и еще раз попробуй меня прикончить, – предложил я ему.

Мои люди заготовили и принялись подстрекать его. Юнец залился краской, но не принимал попытки свершить возложенную на него Богом работу. Вместо этого он уселся рядом со шпигатом и просто сидел до тех пор, пока Гербрухт не сунул ему черпак в руки.

– Парень, жить хочешь? – поинтересовался фриз. – Тогда вычерпывай воду!

– Твоего отца зовут Сеолбертом? – спросил я Сеолнота.

Тот удивился моей осведомленности, хотя на самом деле это была всего лишь догадка.

– Да, – выдавил пленник.

– Я знал его, когда был маленьким.

– Он мне рассказывал. – Священник помолчал и добавил: – Лорд.

– Я тогда ему не нравился, – признался я. – И уверен, до сих пор не нравлюсь.

– Господь наш заповедал нам прощать, – пробормотал он, но тем унылым тоном, каким говорят христианские попы, когда вынуждены признавать неприятную истину.

– Где твой отец теперь?

Священник некоторое время молчал, потом решил, видимо, что ответ не откроет тайны:

– Отец мой служит Господу в соборном храме Винтанкестера. Как и мой дядя.

– Рад, что оба они живы! – воскликнул я, покривив душой, потому как не любил братьев.

Это были близнецы из Мерсии, похожие один на другого, как два яблока. Они вместе со мной находились в заложниках у данов, и если Сеолнот и Сеолберт оплакивали свою долю, я радовался ей. Мне полюбились даны, а близнецы, истовые христиане, сыновья епископа, были воспитаны в убеждении, что все язычники – дьявольское отродье. Получив свободу, они отправились учиться на священников и сделались яростными ненавистниками северных богов. Судьба распорядилась так, что дорожки наши частенько пересекались. Они всегда относились ко мне с презрением и обзывали врагом церкви и еще похуже, но я в итоге поквитался с ними за оскорбления, выбив отцу Сеолберту большую часть зубов. Сеолнот был очень похож на отца, но я подумал, что беззубый Сеолберт наверняка назвал бы сына в честь брата. И угадал.

– Так что сын щербатого отца делает в нортумбрийских водах? – спросил я.

– Божью работу, – заявил он.

– Пытает и убивает рыбаков, то есть? – уточнил я.

На это попу ответить было нечего.

Мы пленили всех вражеских командиров и той ночью их заперли в пустой конюшне под охраной моих людей, но отца Сеолнота и сраженного печалью Вистана я пригласил поужинать в главном зале. Это не был пир – большинство дружинников поели раньше, – поэтому за столом оказались только экипажи кораблей. Единственной присутствующей женщиной, не считая служанок, была моя жена Эдит. Я усадил отца Сеолнота по левую руку от нее. Мне поп не понравился, но я решил проявить уважение к его сану и пожалел о своем поступке сразу же, как только он занял место за высоким столом. Священник воздел руки к закопченным балкам и принялся громким и резким голосом возносить молитву. Я посчитал этот жест проявлением храбрости, но то была храбрость дурака. Он просил Бога испепелить огнем сей «оплот пагубы», опустошить его, выжечь зло, поселившееся в его стенах. Я позволил ему помолоть языком некоторое время, потом попросил замолчать. Но когда вместо этого он только заговорил громче, призывая своего Бога низвергнуть нас в пучину ада, я кивнул Бергу.

– Отведи убудочного святошу в свинарник и закуй в железо, – велел я. – Пусть свиньям проповедует.

Берг выволок попа из зала, и мои люди, даже христиане, провожали его насмешками.

Вистан, как я заметил, смотрел на это молча и печально. Он пробудил во мне интерес. Его кольчуга и шлем, ставшие теперь моими, были лучшей работы, намекая на знатное происхождение бывшего владельца. Еще я предполагал, что, вопреки своей глупой бравате, это разумный молодой человек.

– Когда поедим, отведем его в часовню, – сообщил я Эдит, указывая на пленника.

– В часовню?! – удивилась она.

– Возможно, он захочет помолиться.

– Зарежь щенка, да и дело с концом, – жизнерадостно посоветовал Эгил.

– Думаю, он разговорится.

Мы немало вывели у остальных пленников. Небольшую эскадру из четырех кораблей сосредоточили в Дамноке в Восточной Англии, укомплектовав людьми, набранными в том же порту, в других гаванях Восточной Англии, а также в Уэссексе. По преимуществу в Уэссексе. Всем хорошо заплатили и обещали награду, если удастся меня убить. Начальниками над флотом, как нам сообщили, были отец Сеолнот, мальчишка Вистан и западный сакс по имени Эгберт. Я про Эгберта никогда не слышал, но пленники утверждали, что это прославленный воин.

– Господин, он настоящий великан, – уверял меня один из них. – Даже выше тебя! Лицо все в шрамах!

При этом воспоминании пленник вздрогнул от ужаса.

– Он находился на затонувшем корабле?

Среди захваченных не было никого, подходившего под описание Эгберта, поэтому я счел его погибшим.

– На «Хёлуберне», господин. На том маленьком корабле.

«Хёлуберн»³ означало «Дитя исцеления», но, помимо прочего, так христиане называли самих себя. Интересно, подумалось мне, может, у всех четырех кораблей были благочестивые имена? Скорее так, ибо еще один пленник, сжимая висящий на груди деревянный крест, заявил, что отец Сеолнот обещал небеса и прощение всех грехов любому, если им удастся меня убить.

– Почему Эгберт находился на маленьком корабле? – вслух размышлял я.

– Он же самый быстрый, – пояснил первый пленник. – Остальные корабли – настоящие корыта с парусами. «Хёлуберн», может, и мал, зато удал.

³ Hælubearn – древнеанглийская лексема, одно из обращений к Богу «Христос, Спаситель».

– В смысле, что ему легче сбежать в случае заварухи, – с издевкой подхватил я, и пленник только кивнул.

По моим прикидкам, от отца Сеолнота мне ничего выведать не удастся, а вот Вистан мог оказаться отзывчив на доброту. Поэтому, как только ужин закончился, мы с Эдит повели парня в беббанбургскую часовню, построенную на низком уступе скалы близ господского дома. Сложена она была из бревен, как и большинство строений в крепости, но христиане из числа моих дружинников устроили в ней каменный пол и застелили его дерюгами. Часовня была невелика: шагов двадцать в длину, а в ширину – вполовину меньше того. Окон в ней не имелось, из обстановки – только дощатый алтарь в восточном конце, несколько стульчиков да скамья у западной стены. Три стены из четырех завесили для защиты от сквозняка простыми вязаными полотнищами, а на алтаре возлежал серебряный крест, всегда начищенный до блеска, и стояли две большие свечи, постоянно горящие.

Когда я ввел его в храм, вид у Вистана стал озадаченный. Он нервно посмотрел на Эдит, на груди у которой, как и у него, висел крест.

– Лорд? – с беспокойством обратился он ко мне.

– Нам подумалось, что тебе захочется помолиться, – заявил я, усевшись на скамью и привалившись к стене.

– Это освященный храм, – заверила парня Эдит.

– У нас и священник есть, – добавил я. – Отец Кутберт. Он живет тут, в крепости. Кутберт слеп и стар и в последнее время занедужил, поэтому попросил капеллана из деревни занять его место.

– В деревне есть церковь, – объяснила Эдит. – Завтра мы туда ходим.

Вистан пришел в полное замешательство. Ему вбили в голову, что я, Утред Проклятый, закоснелый язычник, враг церкви и убийца священников, а тут вдруг я привел его в христианскую часовню внутри моей крепости и толкую ему про христианских священников. Он воззрился сначала на меня, потом на Эдит, не зная, что сказать.

Пребывая в Беббанбурге, я редко носил Вдох Змея, но Осиное Жало висело у меня на бедре, и теперь я извлек короткий клинок и протянул эфесом вперед Вистану, потом уронил, и тот звякнул о плиты пола.

– Твой Бог сказал, что ты должен меня убить. Почему бы тебе не исполнить Его волю?

– Лорд... – протянул он и умолк.

– Ты заявил мне, что послан избавить мир от моего подлого существования. Тебе ведь известно, что меня называют Утредэrv?

– Да, лорд, – промолвил юнец почти шепотом.

– То есть Утредом, убийцей священников?

Вистан кивнул:

– Да, лорд.

– Мне доводилось убивать священников, – подтвердил я. – И монахов.

– Не преднамеренно, – вставила Эдит.

– И преднамеренно тоже, – возразил я. – Но чаще в гневе. – Я пожал плечами. – Расскажи, что еще тебе известно обо мне.

Вистан помедлил, потом собрался с духом.

– Что ты язычник и любишь войну. Что водишь дружбу с идолопоклонниками и подстрекаешь их! – выпалил он и снова умолк.

– Продолжай, – подбодрил его я.

– Люди говорят, что ты хочешь видеть Этельстана королем Уэссекса, потому что околдовал его. Что ты воспользуешься им, дабы взойти на трон самому!

– Это все? – Я хмыкнул.

Прежде парень не глядел на меня, но теперь поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза:

– Еще говорят, что ты убил Этельхельма Старшего и силой выдал его дочь за своего сына. Что ее изнасиловали! Здесь, в этой крепости! – На лице его проступил ужас, а в глазах слезы, и на удар сердца я подумал, что он схватит Осиное Жало.

Тут Эдит рассмеялась. Она ничего не говорила, только хохотала, и ее веселье явно сбilo Вистана с толку. Эдит вопросительно посмотрела на меня, я кивнул. Понимая, что означает этот кивок, жена встала и вышла в овеванную ветром ночь. Пока она открывала и закрывала дверь, свечи затрепетали, но не погасли. Часовенку освещали только они, так что мы с Вистаном вели беседу почти в полной темноте.

– Редко выдается день без ветра, – размышлял я вполголоса. – Ветер и дождь, дождь и ветер – вот и вся погода в Беббанбурге.

Парень промолчал.

– Ну-ка Расскажи мне, как именно убил я олдермена Этельхельма? – осведомился я, не меняя своего положения у стены часовни.

– Мне-то откуда знать?

– Что болтают о его смерти люди в Уэссексе? – спросил я, но не дождался ответа. – Ты ведь из Уэссекса?

– Да, лорд, – подтвердил он.

– Вот и Расскажи, что народ в Уэссексе говорит про смерть олдермена Этельхельма.

– Судачат, что он был отравлен.

Я слегка улыбнулся:

– Языческим колдуном?

Юноша пожал плечами:

– Лорд, тебе лучше знать.

– Тогда, Вистан из Уэссекса, позволь мне поведать то, что я знаю. Я не убивал олдермена Этельхельма. Он умер от горячки, вопреки всем нашим стараниям вылечить его. Перед смертью олдермен причастился Святых Даров вашей церкви. Дочь Этельхельма присутствовала при его смерти, и никто не насиловал ее и не принуждал выходить за моего сына.

Вистан молчал. Свет больших свечей мерцал на стали Осиного Жала. Ночной ветер колыхал дверь часовни и гудел в крыше.

– Что тебе известно о принце Этельстане? – продолжил я.

– Что он незаконнорожденный, – ответил Вистан. – И хочет отобрать трон у Эльфверда.

– У Эльфверда, племянника нынешнего олдермена Этельхельма и второго по старшинству сына короля Эдуарда. Эдуард еще жив?

– Хвала Богу, да.

– Эльфверд второй его сын, и тем не менее ты утверждаешь, что он должен наследовать отцу.

– Лорд, он же этелинг.

– Этелингом считается старший сын, – напомнил я.

– В глазах Господа старший сын короля – это Эльфверд, – стоял на своем Вистан. – Потому что Этельстан бастард.

– Бастард... – повторил я.

– Да, лорд, – упрямо подтвердил юноша.

– Завтра я познакомлю тебя с отцом Кутбертом. Он тебе понравится! Я берегу его в этой крепости как зеницу ока, и знаешь почему? – Вистан помотал головой, и я продолжил: – Потому что много лет назад отец Кутберт имел неосторожность обвенчать молодого принца Эдуарда с хорошенькой девушкой из Кента, дочкой епископа. Девчонка та умерла во время родов, но произвела на свет двойняшек: Эдгит и Этельстана. Отец Кутберт свалил дурака,

потому что у Эдуарда не было отцовского разрешения жениться. Тем не менее брак этот был совершен христианским священником в христианской церкви. И те, кто стремится оспорить право Этельстана на престол, наверняка попытались бы заставить отца Кутберта умолкнуть навеки. Вистан, его убили бы, чтобы правда никогда не вышла наружу. Вот почему я укрыл священника здесь, в этой крепости.

– Однако... – начал он, но снова не нашел слов.

Всю жизнь, то есть, по моим прикидкам, лет двадцать, ему в Уэссексе втолковывали, что Этельстан – бастард, а Эльфверд – законный наследник трона Эдуарда. Он верил в эту ложь, верил, что Этельстан был прижит от шлюхи, а теперь я разрушал его веру. Вистан чувствовал, что я говорю правду, но не хотел признавать этого, а потому молчал.

– И ты считаешь, что твой Бог послал тебя меня убить? – спросил я.

Он продолжал молчать, только смотрел на меч у ног.

Я рассмеялся.

– Моя жена христианка, мой сын христианин, самый старый и самый близкий мой друг – христианин, и половина моих дружинников тоже христиане. Почему же твой Бог не приказал кому-нибудь из них убить меня, а послал тебя? Зачем посылать человека из Уэссекса, когда здесь найдется добрая сотня христиан, способных меня прикончить? – (На эту мою речь Вистан не шелохнулся и не проронил ни звука.) – Рыбаки, над которыми ты издевался, а потом убил, тоже были христиане.

Парень вздрогнул и замотал головой.

– Я пытался помешать этому, но Эгберт... – пробормотал он едва слышно, но я уловил легкую заминку перед этим именем.

– Эгберт – это ведь не настоящее его имя? – спросил я. – Кто он такой?

Прежде чем он ответил, дверь в часовню со скрипом распахнулась и в трепещущем пламени свечей появились Эдит и Эльсвит. Едва шагнув через порог, Эльсвит замерла, уставилась на Вистана, а затем радостно улыбнулась.

Эльсвит – моя сноха, дочь моего врага. Ее старший брат ненавидел меня так же сильно, как прежде его родитель. Ее отец, Этельхельм Старший, вынашивал замысел сделать ее королевой, обменять ее красу на какой-нибудь престол христианского мира, но мой сын первым завоевал ее сердце, и с тех пор она жила в Беббанбурге. Поглядев на нее, никто бы не поверил, что такая худенькая, изнеженная и бледная девица могла пережить жестокие холода и суровые ветры Нортумбрии, не говоря уж о муках деторождения. Однако Эльсвит принесла мне двух внуков и единственная в крепости оставалась неподвластной хворям, насморку, простуде и кашлю, отмечающих наши зимы. Она выглядела хрупкой, но была крепка как сталь. Лицо ее, такое милое, расцвело от радости при виде Вистана. Ее улыбка могла растопить сердце хищного зверя, но Вистан не улыбнулся в ответ, только смотрел на нее, словно охваченный ужасом.

– Этельвульф! – воскликнула Эльсвит и бросилась к нашему пленнику с распростертыми объятиями.

– Этельвульф? – озадаченно переспросил я.

Имя означало «благородный волк», и если назвавшийся Вистаном молодой человек правда выглядел благородным, то вот волчьего в его наружности не было ничего.

Парень покраснел. Позволив Эльсвит обнять себя, он бросил на меня застенчивый взгляд.

– Меня зовут Этельвульфом, – признался он, и по его тону я понял, что обязан знать это имя.

– Мой брат! – радостно прошептала Эльсвит. – Мой младший брат!

Заметив лежащее на полу Осиное Жало, сноха нахмурилась и вопросительно посмотрела на меня.

– Твоего брата послали убить меня, – пояснил я.

– Убить тебя? – потрясенно выдохнула Эльсвит.

– В отмщение за то, как я обошелся с тобой, – продолжил я. – Разве тебя не изнасиловали и не принудили вступить в брак?

– Нет! – яростно возразила молодая женщина.

– И все это после того, как я убил твоего отца, – закончил я.

Эльсвит посмотрела брату в глаза.

– Наш отец умер от горячки! – пылко заявила она. – Я была с ним все время, пока он болел. И никто меня не насиловал и не принуждал выйти замуж. Мне нравится здесь!

Бедный Этельвульф! Фундамент его жизни рушился прямо у него на глазах. Он верил Эльсвит, да и как было не поверить ей? Ее лицо светилось от радости, а в голосе звучало счастье, тогда как у Этельвульфа вид был такой, словно он вот-вот расплачется.

– Пойдем-ка спать, – обратился я к Эдит, а потом повернулся к Эльсвит. – А вы двое можете поболтать.

– Просто обязаны! – заявила Эльсвит.

– Я пришлю слугу, чтобы устроить тебя на ночлег, – сказал я Этельвульф. – Но ты ведь понимаешь, что все еще пленник здесь?

– Да, лорд. – Он кивнул.

– Почетный пленник, – добавил я. – Но если ты попытаешься сбежать из крепости, все переменится.

– Да, лорд, – повторил юноша.

Я поднял Осиное Жало, похлопал пленника по плечу и отправился спать. День выдался долгий.

Итак, Этельхельм Младший послал брата убить меня. Он снарядил флот, посулил команде золото и приставил к кораблям брызжущего слюной попа, чтобы пробудить в Этельвульфе праведный гнев. Этельхельм понимал, что, пока я внутри крепостных стен, добраться до меня практически невозможно. Понимал и то, что не сможет послать достаточно большой отряд для засады в моих землях: его людей быстро бы нашли и перебили нортумбрийские воины. Поэтому был разработан хитрый план и отправлены корабли, чтобы подкараулить меня в море.

Этельвульф возглавлял эскадру, но Этельхельм знал, что его брат, пусть и разделяющий родовую ненависть ко мне, не самый беспощадный из людей, поэтому послал отца Сеолнота пичкать Этельвульфа священным бредом, и еще одного человека, известного как Эгберт. Вот только это не было его настоящее имя. Этельхельм не хотел, чтобы кто-то узнал об истинном владельце флота или связал мою смерть с его приказом. Он рассчитывал, что вину возложат на пиратов или на какой-нибудь случайный корабль норманнов, поэтому велел командирам назваться какими угодно именами, кроме своих собственных. Этельвульф стал Вистаном, а Эгберт, как я потом выяснил, на самом деле был Ваормундом.

Ваормунда я знал. Здоровенный западный сакс, человек грубый, настоящая страхолюдина со шрамом от правой брови до левой стороны подбородка. Мне вспомнились его глаза, холодные, будто камень. В бою Ваормунд был незаменим, потому как дрался будто одержимый. Но еще он был из тех, кто упивается жестокостью. Настоящий великан, даже выше меня ростом, не ведающий жалости. Прирожденный воин, но, если в битве никто не отказался бы от помощи Ваормунда, только дурак захотел бы иметь его врагом.

– Почему Ваормунд находился на самом маленьком вашем корабле? – спросил я у Этельвульфа на следующее утро.

– Я отправил его туда, потому что хотел избавиться от него! Он не христианин.

– Язычник?

– Зверь. Это Ваормунд пытал пленников.

– Отец Сеолнот подстрекал его?

– Да. – Этельвульф уныло кивнул.

Мы прогуливались по выходящим на море стенам Беббанбурга. Солнце отражалось от пустынного моря, легкий ветерок доносил запах водорослей и соли.

– Я попытался остановить Ваормунда, – продолжил молодой сакс, – а он проклял меня и проклял Бога.

– Твоего Бога? – удивился я.

Этельвульф перекрестился:

– Я сказал, что Бог не простит его жестокости, а он ответил, что Бог более жесток, чем любой из людей. Тогда я велел ему перейти на «Хёлуберн», потому что не мог выносить его общества.

– Мне известно, что твой брат ненавидит меня, – сказал я, пройдя несколько шагов, – но зачем ему понадобилось посылать тебя на север, чтобы убить меня? Почему сейчас?

– Ему известно о твоей клятве убить его, – сообщил Этельвульф.

Пораженный, я замер, ибо правда дал такую клятву, но считал ее тайной между мной и Этельстаном. Однако Этельхельм про нее узнал. Как? Неудивительно, что олдермен решил избавиться от меня прежде, чем я успею сдержать слово.

Брат моего заклятого врага робко посмотрел на меня:

– Это правда?

– Да, – подтвердил я. – Но не прежде, чем умрет король Эдуард.

Этельвульф вздрогнул, услышав эту горькую истину.

– Но зачем? Зачем убивать моего брата?

– А ты спрашивал у него, почему он хочет убить меня? – сердито парировал я. – Не отвечай, я и так знаю. Потому, что Этельхельм верит, будто я убил вашего отца, и потому, что я Утрэдэrv Язычник, Утрэдэrv Убийца Священников.

– Все так, – глухо признал юноша.

– Твой брат неоднократно покушался на жизнь Этельстана, – напомнил я. – И на мою. Стоит ли спрашивать, почему я хочу убить его? – (На это ему нечего было ответить.) – Как думаешь, что произойдет, когда Эдуард умрет? – резко спросил я.

– Я молюсь, чтобы он жил. – Этельвульф осенил себя крестом. – Когда я отплывал, он находился в Мерсии, но был прикован к постели. У него побывали священники.

– Чтобы причастить перед смертью?

– Так и раньше говорили, но он выздоравливал.

– А что случится, если на этот раз он не поправится?

Молодой человек помедлил, не желая давать ответ, который, как он знал, мне не понравится.

– Когда он умрет, – выдавил он наконец, снова осенив себя крестом, – Эльфверд станет королем Уэссекса.

– А Эльфверд приходится тебе племянником, – промолвил я. – И еще Эльфверд – кусок дерьма с мозгами, как у воробышка. Но если он станет королем, твой брат сможет вертеть им, как ему вздумается, и через него править Уэссексом. Есть только одна загвоздка, не так ли? Дело в том, что родители Этельстана были обвенчаны, а значит, он не бастард. Поэтому, когда Эдуард умрет, разразится междоусобица. Сакс против сакса, христианин против христианина, Эльфверд против Этельстана. А я давным-давно дал слово защищать Этельстана. Хотя иногда я жалею об этом.

– Жалеешь, лорд? – Этельвульф остановился в изумлении.

– Так и есть, – подтвердил я, воздержавшись от дальнейших объяснений, и повел его по длинному парापету.

Я в самом деле когда-то дал слово защищать Этельстана, но с течением времени все сильнее сомневался в этом. Он стал слишком благочестивым, прямо как его дед, и, как я знал, слишком амбициозным. Амбиции – дело хорошее. Король Альфред, дед Этельстана, имел большие амбиции, а Этельстан унаследовал мечты предка. Мечты эти вращались вокруг объединения государств саксонской Британии. Уэссекс завоевал Восточную Англию, поглотил Мерсию, и не секрет, что он желает прибрать к рукам Нортумбрию, мою Нортумбрию – последнее королевство в Британии, где мужчины и женщины вольны верить в тех богов, какие им нравятся. Этельстан поклялся не вторгаться в Нортумбрию, пока я жив, но сколько мне осталось? Никто не вечен, а я уже стар и боялся, что, поддерживая Этельстана, обрекаю свою страну маяться под ярмом южных королей и их загребуших епископов. И я дал клятву человеку, который, скорее всего, все это осуществит.

Я нортумбриец, Нортумбрия – моя родина. Мой народ – нортумбрийцы, а это суровые, крепкие люди. К северу расположена Альба, где полно жадных скоттов, которые совершают на нас набеги, творят бесчинства и жаждут нашей земли. К западу лежит Ирландия, приют норманнов, вечно недовольных тем, что у них есть, и желающих большего. Даны точат клинки за морем на востоке; они никогда не откажутся от своих претензий на мой край, где уже осело столько их соплеменников. Так что с востока, с запада и с севера нас окружают враги, а страна у нас маленькая. На юге живут саксы, народ, говорящий на нашем языке, и тоже желающие заполнить Нортумбрию.

Альфред всегда мечтал, чтобы все племена, для которых английский родной, жили в одном государстве. Страна его мечты называлась Инглаланд. И судьба, эта сука, управляющая нашей жизнью, распорядилась так, что я сражался за Альфреда и его мечту. Я убивал данов. Я убивал норманнов. И каждая смерть, каждый удар меча укрепляли власть саксов. Я понимал, что Нортумбрии не выстоять. Слишком она мала. Скоттам нужна земля, но у скоттов имелись свои враги: они воевали с норманнами из Страт-Клоты и с островов, которые отвлекали на себя короля Константина. Ирландские норманны яростны в бою, но редко объединялись под властью одного конунга, хотя корабли с драконьими головами постоянно пересекали Ирландское море, доставляя воинов, обживающих дикое западное побережье Нортумбрии. Даны стали теперь осторожнее в отношении Британии, и их суда уходили дальше на юг в поисках легкой добычи. А саксы все набирали и набирали силу. Так что однажды, как я понимал, Нортумбрия падет и достанется, скорее всего, именно саксам. Я не хотел этого, но противостоять такому исходу все равно что обнажать клинок против судьбы. И если от судьбы не уйти, во что я твердо верил, то лучше уж пусть Уэссекс унаследует Этельстан. Эльфверд – мой враг. Его родичи ненавидели меня и, овладев Нортумбрией, обрушили бы всю мощь саксонской Британии на Беббанбург. Этельстан поклялся защищать меня, равно как я поклялся защищать его.

– Он использует тебя! – с горечью заявила мне Эдит, когда обо всем узнала.

– Этельстан?

– Ну конечно! С какой стати тебе помогать ему? Он нам не друг.

– Я всегда любил его.

– А вот любит ли он тебя? – осведомилась она.

– Я дал клятву защищать его.

– Ох уж эти мужчины и их клятвы! Думаешь, Этельстан сдержит слово? Веришь, что он не вторгнется в Нортумбрию?

– Не вторгнется. Пока я жив.

– Он же лис! – воскликнула Эдит. – Он властолюбив! Ему хочется стать королем Уэссекса, королем Мерсии, королем Восточной Англии, королем всего! И ему все равно, через что или через кого придется переступить, лишь бы достичь своей цели. Ну конечно, он нарушит свою клятву! Он ведь никогда не был женат!

– А это-то здесь при чем? – Я воззрился на нее.

Эдит смутилась.

– В нем нет любви, – пояснила она, озадаченная моей несообразительностью. – Его мать умерла, давая ему жизнь. – Супруга осенила себя крестом. – Всем известно, что дьявол метит таких детей.

– Моя мать умерла, давая мне жизнь, – возразил я.

– Ты – дело другое. А ему я не доверяю. И когда Эдуард умрет, тебе следует остаться дома!

Это было ее последнее, горькое слово. Эдит сильная и умная, и только дурак не прислушается к совету такой женщины, однако ее натиск пробудил во мне гнев. Я знал, что она права, но мое упрямство и ее настойчивость лишь укрепили во мне решимость сдержать слово.

Финан соглашался с Эдит.

– Если ты пойдешь на юг, я, конечно, пойду с тобой, – сказал мне ирландец. – Но нам не стоит туда идти.

– Хочешь, чтобы Этельхельм остался в живых?

– Я хотел бы загнать ему Похитителя Душ в вонючую задницу, так чтобы у него глаза на лоб вылезли, – процедил Финан, имея в виду свой меч. – Но охотно предоставляю это удовольствие Этельстану.

– Я поклялся.

– Ты мой господин, – заявил он. – Но круглый дурак при этом. Когда выступаем?

– Как только прознаем о смерти Эдуарда.

Вот уже год, как я ожидал, что с юга прискачет один из дружинников Этельстана с вестью о кончине короля. Но спустя три дня после нашего первого разговора с Этельвульфом вместо дружинника приехал поп. Он разыскал меня в беббанбургской гавани, где сходил на воду починенный «Сперхафок». День выдался жаркий, и я, помогая толкать изящный корпус корабля, разделся до пояса. Поначалу священник не поверил, что перед ним и вправду лорд Утред, но находившийся рядом Этельвульф, одетый как полагается знатному вельможе, подтвердил, что я и есть олдермен.

Король Эдуард, как сообщил поп, еще жив.

– Хвала Господу, – добавил он.

Священник был молодой, он очень устал и стер о седло задницу. Под ним была породистая лошадь, но, подобно всаднику, ее покрывали пыль, пот, и она едва не падала от усталости. Поп гнал вовсю.

– Ты столько проехал лишь сообщить, что король все еще жив? – резко спросил я.

– Нет, лорд. Мне нужно передать тебе послание.

Я выслушал послание и на следующий день, на заре, выступил на юг.

Со мной из Беббанбурга ехали всего пятеро. Одним из них был, разумеется, Финан, а четверо прочих – хорошие воины, умелые в обращении с мечом и преданные. Гонца священника я оставил в Беббанбурге. Сыну, что вернулся с гор и вступил в командование гарнизоном на время моего отсутствия, наказал глядеть за ним в оба. Мне не хотелось, чтобы привезенная священником весть распространилась. И еще велел относиться к Этельвульфу как к почетному пленнику.

– Допустим, это наивный дурачок, – сказал я. – Но я не хочу, чтобы он ускакал на юг и предупредил брата, что я иду.

– Его брат все равно узнает, – сухо заметил Финан. – Этельхельму ведь уже известно, что ты поклялся убить его.

Это-то и не давало мне покоя всю долгую дорогу до Эофервика. Мы с Этельстаном обменялись клятвами и договорились держать их в тайне. Я нарушил обещание, поделившись с Эдит, Финаном, сыном и его женой, но все они пользовались полным моим доверием. Но раз

Этельхельм узнал секрет, то Этельстан поведал его кому-то, а этот некто рассказал, в свою очередь, Этельхельму. А значит, среди близких к Этельстану людей завелись лазутчики. В этом не было ничего неожиданного, я бы скорее удивился отсутствию у Этельхельма осведомителей в Мерсии, но, так или иначе, врага предупредили об исходящей от меня опасности.

Был еще один человек, кому я не имел желания поведавать о моей клятве, понимая, что это его не обрадует. И оказался прав – Сигтригр пришел в ярость.

Не так давно он был моим зятем и с моей помощью стал королем Нортумбрии. Норманн, обязанный мне трон. Я занимал при Сигтригре то же место, что Этельхельм при Эдуарде: был самым могущественным его олдерменом, единственным человеком, которого королю оставалось либо улещивать, либо убить. Но одновременно мы были друзьями, хотя во время той встречи в древнем римском дворце в Эофервике он был очень зол.

– Ты пообещал убить Этельхельма? – бросил он мне в лицо.

– Я дал клятву.

– Зачем! – Это не был вопрос. – Чтобы защитить Этельстана?

– Я поклялся защищать его. Поклялся много лет...

– И ему опять понадобилось, чтобы ты шел на юг, – перебил меня Сигтригр, – спасти Уэссекс от внутренней неурядицы! Спасти Уэссекс! Ты уже сделал это в прошлом году! Ты спас этого ублюдка Этельстана. А нам выгодна его смерть. Но нет, тебе нужно выручать жалкого засранца из беды! Ты никуда не пойдешь, я запрещаю.

– Этельстан – твой шурин, – напомнил я.

На это Сигтригр ответил резким словом и пнул стол. Римский сосуд из синего стекла упал и разбился, взвизгнули королевские волкодавы.

– Ты не должен идти, – убеждал зять, наставив на меня палец. – Я запрещаю!

– Государь, у нас нынче принято преступать через клятвы? – спросил я.

Он снова выругался, прошелся сердито по каменному полу, потом повернулся ко мне:

– Когда Эдуард умрет, саксы передерутся между собой, так ведь?

– Скорее всего.

– Так пусть дерутся! – воскликнул Сигтригр. – Молись, чтобы эти ублюдки перебили друг друга! Нам это на руку: пока они воюют между собой, им недосуг воевать с нами.

– Но если победит Эльфверд, он непременно нападет на нас, – возразил я.

– А Этельстан не нападет? Думаешь, он не поведет армию через нашу границу?

– Он обещал не делать этого. Пока я жив.

– Это ненадолго, – вставил Сигтригр, придав своим словам тон угрозы.

– И ты женат на его родной сестре-близняшке, – напомнил я.

– Полагаешь, это его остановит? – Сигтригр сердито зыркнул на меня.

Прежде он был женат на моей дочери, которая погибла, защищая Эофервик. После ее смерти король Эдуард под угрозой вторжения в Нортумбрию вынудил Сигтригра жениться на Эдгит. Подпираемый другими противниками, зять согласился. Эдуард провозгласил этот брак символом примирения между саксонскими государствами и подвластной норманнам Нортумбрии, но только глупец не понимал, что истинной его целью было поместить христианскую королеву-саксонку на трон вражеской страны. Если Сигтригр умрет, то его сын, мой внук, будет слишком юн, чтобы принять бразды правления. Даны и норманны никогда не признают благочестивую Эдгит своей правительницей и посадят на престол Нортумбрии кого-то из своих, тем самым дав саксам повод для нападения. Под предлогом восстановления Эдгит на ее законном месте они приберут Нортумбрию, мою страну, к рукам.

Все это было так. И тем не менее я собирался выступить на юг.

Я дал клятву не только Этельстану, но и Этельфлэд, дочери короля Альфреда, которая была не просто моей любовницей, но я ей очень дорожил. Я обещал защищать Этельстана и убить его врагов после того, как умрет король Эдуард. А если человек нарушает клятву, он

теряет честь. При жизни мы можем иметь многое: знатное происхождение, земли, успех. И у меня все это было. Но после смерти нам предстоит путь в загробный мир, и туда мы сможем забрать лишь свою репутацию, а у человека без чести нет репутации. Я решил сдержать клятву.

– Сколько людей ты берешь с собой? – спросил Сигтригр.

– Всего сорок.

– Всего сорок! – с сарказмом повторил он. – А что, если нападет Константин Шотландский?

– Не нападет. У него руки связаны дракой с Овейном из Страт-Клоты.

– А норманны на западе? – допытывался зять.

– Ты побил их в прошлом году.

– А у них новые вожаки, и корабли продолжают прибывать!

– Значит, побьем их в следующем году, – отрезал я.

Сигтригр снова сел, и двое волкодавов подскочили к нему, чтобы хозяин их погладил.

– Мой младший брат приплыл из Ирландии, – сообщил он.

– Брат? – Я знал, что у Сигтригра есть брат, но зять редко вспоминал о нем, и у меня сложилось впечатление, что он до сих пор в Ирландии.

– Гутфрит, – процедил он имя. – Он рассчитывает, что я стану одевать и кормить его.

Я обвел глазами большой зал, ловя взгляды приближенных Сигтригра:

– Он здесь?

– В борделе, скорее всего. Так ты все-таки идешь на юг? – проворчал Сигтригр.

Он выглядел стариком, хотя был моложе меня. Его некогда красивое, несмотря на недостающий глаз, лицо покрылось морщинами, волосы поседели и поблекли, борода поредела. Новой королевы во дворце я не встретил, – по слухам, большую часть времени та проводила в основанном ею в городе монастыре. Ребенка Сигтригру она до сих пор не родила.

– Мы идем на юг, – подтвердил я.

– Откуда и грозят нам главные беды. Только не езжай через Линдкольн, – уныло посоветовал он.

– Почему?

– Говорят, что там чума.

Финан, стоявший рядом со мной, перекрестился.

– Я обойду Линдкольн, – довольно громко пообещал я: поблизости находилось около дюжины слуг и дружинников, и мне хотелось, чтобы они услышали мои слова. – Мы воспользуемся западной дорогой через Мамесестер.

– И возвращайся поскорее, – пробормотал Сигтригр. – Живой.

Он сказал это искренне, но словно нехотя. Мы выехали на следующее утро.

У меня не было намерения пользоваться для пути на юг какой-либо из дорог, но я хотел, чтобы весь двор услышал мои слова. У Этельхельма были при дворе Сигтригра согладатаи, вот пусть теперь сторожат римские дороги, ведущие из Нортумбрии на юг, в Уэссекс.

В Эофервик я поехал, считая своим долгом известить Сигтригра, однако, пока мы были в пути, Берг вел «Сперхафок» вдоль побережья к укромной гавани на северном берегу Хамбра, где ему предстояло ждать нас.

Рано поутру на следующий день после нашего разговора с Сигтригром, с больной из-за обильных возлияний головой, я выехал со своими пятью спутниками из города. Мы поскакали на юг, но, как только стены Эофервика скрылись из виду, свернули на восток и тем же вечером нашли «Сперхафок» с его командой из сорока воинов, стоявший на якоре во время отлива. На следующее утро я отослал шестерых отвести коней в Беббанбург, с остальными же вышел в море.

Этельхельму донесут, что я побывал в Эофервике и покинул город через южные ворота. Наверняка он решит, что я направился в Мерсию к Этельстану, но озадачится, почему со мной всего пять человек. Я хотел, чтобы он нервничал и искал везде, где меня нет.

Своими планами я не поделился ни с кем: ни с Эдит, ни с сыном, ни даже с Финаном. Эдит и Финан ожидали моей поездки на юг после смерти Эдуарда. Но король был еще жив, а я вдруг уже поспешно засобирался.

– Что сказал тебе священник? – поинтересовался Финан, пока «Сперхафок» шел вдоль берега под летним ветром.

– Что мне нужно ехать на юг.

– И когда мы туда доберемся, что будем делать?

– Хотел бы я сам знать.

Ирландец рассмеялся:

– Мы, сорок человек, пойдем войной на Уэссекс? – Он кивнул на набитое людьми чрево «Сперхафока».

– Нас больше чем сорок, – возразил я.

Я смотрел на залитое солнцем море, расступающееся перед узким корпусом «Сперхафока». Лучшей погоды и не представишь. У нас был ветер, чтобы наполнять парус, и море, по которому плыть; море это искрилось в солнечном свете гладью, нарушаемой только барашками пены на гребнях волн. Такая погода должна служить добрым предзнаменованием, но у меня на душе лежал камень. Я отправился в поход, повинувшись порыву, цепляясь за то, что показалось шансом, но теперь меня грызли сомнения. Пальцы нащупали висящий на шее молот Тора.

– Поп передал мне сообщение от Эдгифу⁴, – признался я Финану.

На миг он растерялся, потом вспомнил имя.

– Пахнущие лавандой титьки! – воскликнул мой друг.

Я хмыкнул, припомнив, как поведал однажды Финану, что грудь у Эдгифу источала аромат лаванды. Эдит рассказала, что многие женщины добавляют лаванду в животный воск и натирают впадину между грудями.

– Да, сиськи у Эдгифу пахли лавандой, – подтвердил я слова Финана. – И она просит о помощи.

Ирландец уставился на меня.

– Иисус на кресте! – выдавил он наконец. – Бога ради, мы что вообще делаем?

– Идем искать Эдгифу, разумеется.

Финан продолжал таращиться на меня:

– Но почему она обратилась к нам?

– А к кому еще?

– Да к кому угодно!

Я покачал головой:

– У нее мало друзей в Уэссексе, а в Мерсии и в Восточной Англии их вообще нет. Она в отчаянии.

– А с какой стати ей просить помощи у тебя?

– Ей известно, что я враг ее врага.

– Этельхельма.

– Который ее ненавидит.

Ненависть эту было легко объяснить. Эдуард повстречал Эдгифу, когда был еще женат на Эльфлэд, сестре Этельхельма и матери Эльфверда. Новая женщина, моложе и красивее, одержала победу, узурпировав место Эльфлэд на королевском ложе и сумев добиться от Эдуарда титула королевы Мерсии. К вящей ненависти олдермена, она родила Эдуарду двух сыновей,

⁴ Речь идет об Эдгиве Кентской, третьей жене короля Эдуарда Старшего. Приблизительные годы жизни – 904–966.

Эдмунда и Эдреда. Оба были еще младенцами, но старший, Эдмунд, мог выступить претендентом на трон, потому что Этельстан считался незаконнорожденным, а Эльфверд, как многие убедились, был слишком глуп, жесток и непредсказуем, чтобы стать новым королем. Этельхельм осознал угрозу будущему своего племянника, и Эдгифу в своем отчаянии отрядила священника в Беббанбург.

– Она знает, что готовит для нее Этельхельм, – объяснил я Финану.

– Знает?

– У нее есть лазутчики, как и у него, и они доложили ей, что, как только Эдуард умрет, Этельхельм увезет ее в Вилтунскир. Ее поместят в монастырь, а детей пристроят ко двору Этельхельма.

– Что означает, – медленно проговорил Финан, глядя на летнее море, – что обоим мальчикам перережут глотки.

– А быть может, с ними очень кстати приключится какая-нибудь хворь.

– Так что же мы будем делать? Спасать ее?

– Спасать ее, – подтвердил я.

– Но Господь мой Иисус! – воскликнул в сердцах мой друг. – Ее же охраняет королевская дружина! Да и Этельхельм с нее глаз не спустит.

– Она уже перебралась с сыновьями в Кент. Сказала мужу, что хочет помолиться за него перед усыпальницей святой Берты, но на самом деле намерена собрать войско, чтобы защитить себя и мальчиков.

– Боже правый! – Финан выглядел пораженным. – И люди пойдут за ней?

– Почему нет? Припомни, что отцом ее был Сигехельм.

Сигехельм, олдерменом Кента, погиб в бою с данами в Восточной Англии⁵. Он был богат, но даже близко не мог сравниться с Этельхельмом. Его сын Сигульф унаследовал отцовские богатства, а заодно и его дружинников.

– У Сигульфа, вероятно, человек триста, – прикинул я.

– А дружина Этельхельма вдвое больше, по самой скромной оценке! А за ним еще и королевское войско!

– Эти воины будут следить за Этельстаном в Мерсии, – возразил я. – Кроме того, если Эдгифу и ее брат выступят против Этельхельма, у них найдутся сторонники.

Надежда призрачная, но исключать такой поворот не стоило.

Финан нахмурился:

– Мне казалось, что клятву ты дал Этельстану, а не Лавандовым Титькам.

– Моя клятва принадлежит Этельстану, – подтвердил я.

– Но Эдгифу будет ожидать, что ты сделаешь следующим королем ее сына!

– Эдмунд слишком мал, – ответил я. – Совсем младенец. Витан ни за что не выберет его королем, пока он не вступит в возраст.

– К этому времени на троне прочно будет восседать Этельстан, и у него родятся свои сыновья!

– А я к тому времени уже умру. – Я снова коснулся молота.

Финан хохотнул безрадостно:

– Так, значит, мы плывем, чтобы принять участие в кентском восстании?

– Возглавить его. Это мой лучший шанс убить Этельхельма.

– Но почему бы не примкнуть к Этельстану в Мерсии?

– Потому что как только западные саксы прознают, что Этельстан использует нортумбрийские войска, то истолкуют это как объявление войны со стороны Сигтригра.

– Если Этельстан победит, это не будет иметь значения!

⁵ Битва при Хольме, 902 г.

– Но у него меньше людей, чем у Этельхельма, и меньше денег. Лучший способ помочь ему – убить Этельхельма.

Далеко на востоке показалось пятнышко паруса. Я наблюдал за ним до тех пор, пока не убедился, что корабль идет на север и пройдет далеко от нас.

– Пропади пропадом твои клятвы, – произнес вполголоса Финан.

– Согласен. Но не забывай, что Этельхельм пытался убить меня. Так что клятва не клятва, но за ним должок ценою в жизнь.

Финан кивнул. Это объяснение было веским в его глазах, даже когда он верил, что наш поход – безумие.

– А как его племянник? Что будет с ним?

– Эльфверда мы тоже убьем.

– Ты и в этом поклялся? – уточнил ирландец.

– Нет, – признался я, но потом снова коснулся молота. – Зато клянусь теперь: я прикончу мелкого эрслинга вместе с его дядей.

Финан ухмыльнулся:

– Одна корабельная команда, да? Целых сорок человек! Сорок воинов, чтобы убить короля Уэссекса и самого могущественного его олддермена?

– Сорок человек, – повторил я и добавил: – И кентское ополчение.

– Иногда мне кажется, что ты спятил. – Финан расхохотался. – Но Бог свидетель, ты еще не проиграл.

Следующие две ночи мы укрывались в восточно-английских реках. Вокруг – лишь заросли камыша и ни одной живой души. На вторую ночь ветер посвежел и небо, бывшее ясным целый день, затянуло облаками, скрыв звезды. Далеко на западе я заметил огненный проблеск и услышал, как молот Тора грохочет в ночи. «Сперхафок», пусть и надежно пришвартованный в укромной гавани, вздрогнул под напором шквала. Дождь замолотил по палубе, а потом и вовсе перешел в ливень, ветер налетал порывами. Мало кто из нас спал той ночью.

Утро выдалось облачным, с морозящим дождем и сильным ветром, но я счел вполне безопасным развернуть корабль, предоставив ветру гнать нас вниз по реке. Мы до половины подняли парус, и «Сперхафок» сорвался с места, как спущенный со сворки волкодав. Дождь хлестал с кормы, косой и сильный под напором ветра. Рулевое весло гнулось и стонало, и мне пришлось кликнуть на помощь Гербрухта, великана-фриза. «Сперхафок» преодолевал растущий прилив, проносясь мимо илистых и поросших камышом банок. Затем отмели устья реки остались позади, и мы смогли повернуть на юг. Корабль опасно накренился, заставив меня потравить шкот левого борта, но судно продолжало нестись, рассекая штевнем гребни волн.

Это безумие, подумалось мне. Нетерпение гнало меня в море, когда любой благоразумный моряк оставался бы в гавани.

– Господин, куда держим курс? – прокричал Гербрухт.

– Через эстуарий Темеза!

Ветер крепчал. На западе гремел гром. Прибрежные воды были мелкими, укорачивая волны, которые разбивались о корпус и обадали брызгами вымокшую команду. Отчерпывая воду, люди держались за скамьи. Они молились. Молился и я. Они молились о спасении, я же обращался к богам с просьбой простить меня за глупую уверенность, что корабль способен уцелеть в этой ярости ветра. Было темно, солнце напрочь спряталось под густой пеленой туч, других кораблей мы не видели. Моряки переживали шторм, но мы мчались на юг через широкое устье Темеза.

Южный берег эстуария проступил впереди унылой полосой песка, обрамленного пеной, а вдаль темнели поросшие лесом невысокие холмы. Гроза подбиралась ближе. Небо над далеким Лунденом было черным как ночь, иногда его пересекал изломанный зубец молнии. Дождь лил стеной, и я оглядывал берег в поисках ориентира. Любого, какой мог распознать. Рулевое

весло, удерживать которое нам с Гербрухтом удавалось лишь напряжением всех сил, трепетало, как живое.

– Туда! – скомандовал я Гербрухту, вытянув руку.

Я разглядел остров из ила и камыша, а слева от него располагался широкий, продуваемый ветром вход в реку Свальван⁶. «Сперхафок» мчался вперед, прокладывая себе путь к безопасному речному устью.

– У меня когда-то был корабль, называвшийся «Миддельнихт»! – проревел я.

– Господин? – недоуменно спросил Гербрухт.

– Его выбросило на тот остров, – крикнул я. – На Skeapig! «Миддельнихт» оказался хорошим кораблем! Он был фризской постройки! Добрый знак!

Гербрухт ухмыльнулся. Вода капала с его бороды.

– Господин, надеюсь, что так! – В голосе его не слышалось уверенности.

– Гербрухт, это хороший знак! Поверь мне, скоро мы окажемся в спокойных водах!

Мы неслись. Корпус корабля сотрясался при каждом ударе волны, но наконец «Сперхафок» обогнул западную оконечность острова, где указывающие путь вехи почти лежали под напором шторма. Едва судно вошло в реку, волны ослабели до зыби; мы спустили мокрый парус и на веслах двинулись по широкому каналу между островом Skeapig и кентским берегом. Я видел фермы на Skeapige, ветер подхватывал дым, поднимающийся из отверстий в их крышах, и нес на восток. Канал сузился. Ветер и дождь по-прежнему хлестали, но здесь было мелко, а берега реки укрощали убийственные волны. Мы плыли медленно, весла поднимались и опускались. Мне думалось, что вот так же, наверное, пробирались по этим водным путям корабли с драконами на штевне, неся свирепых людей грабить богатые нивы и города Кента. Как, должно быть, пугались селяне, когда из речного тумана выныривали змеиноголовые военные лодки. Не забуду, как отец Беокка, мой наставник, каждый вечер сцеплял руки и возносил молитву: «От ярости норманнов избави нас, Господи». Теперь я, северянин, вел в Кент мечи, щиты и копья.

Священник, передавший мне послание Эдгифу, сказал, что, под благочестивым предложением помолиться перед гробом святой Берты в Контварабурге, она на самом деле укрывалась в основанном ею монастыре в городке под названием Фэфрешем.

– Королева будет там в безопасности, – заявил он.

– В безопасности? Под защитой монахинь?

– И Бога, лорд, – укоризненно заметил поп. – Королеву оберегает Бог.

– Но почему она не поехала в Контварабург? – поинтересовался я.

Контварабург – большой город с крепкими стенами и, насколько я мог предположить, с гарнизоном для их обороны.

– Контварабург лежит в глубине материка. – Священник намекал, что Эдгифу будет угрожать опасность, если Этельхельм обнаружит ее и пошлет войско. Ей лучше находиться в месте, из которого можно сбежать по морю. Она могла перебраться во Франкию, ведь Фэфрешем располагался в непосредственной близости от гавани на реке Свальван. Это, по моему мнению, был разумный выбор.

Мы гребли на запад, и я увидел мачты с полдюжины кораблей, вздымающиеся над пропитанным влагой соломенными крышами деревеньки на южном берегу реки. Поселение это, как я знал, носит название Ора и лежит на небольшом расстоянии к северу от Фэфрешема. Мне достаточно часто доводилось проплывать мимо здешних болотистых лугов, вязких илистых отмелей и неприметных ручьев. Я сражался на этих берегах с данами и хоронил отличных воинов на материковых пастбищах.

– Входим в гавань, – скомандовал я Гербрухту.

⁶ Здесь и далее идет речь о реке Swalwan Creek.

Мы повернули «Сперхафок», и моя усталая команда ввела его на веслах в мелководную гавань Оры. Это было жалкое, нищенское подобие порта с гниющими пристанями по обоим берегам приливной речки. На западном берегу, у выдающихся признаки недавней починки причалов, стояли четыре неказистых купеческих судна, пузатых и низкобортных. Их обычной работой было доставлять продовольствие и фураж вверх по реке, в Лунден. Реку, хотя и укрытую от шторма, покрывала рябь и белые барашки, и волны назойливо плескались, разбиваясь о сваи и о три других корабля в южной оконечности гавани. Эти корабли были длинные, узкие, с высокими штевнями. У каждого на носу возвышался крест. Заметив их, Финан поднялся на рулевую площадку и встал рядом со мной.

– Чьи они? – спросил он.

– Поди узнай, – отозвался я, предположив, что это могут быть корабли, приготовленные Эдгифу на случай бегства.

– Военные точно, – процедил мой друг. – Вот только чьи?

– Саксы, это уж точно. – Кресты на носу красноречиво говорили об этом.

По обоим берегам гавани протянулись строения. Большинство из них представляли собой навесы, видимо, для хранения рыбацкого снаряжения или улова, ожидающего отгрузки. Но некоторые были довольно крупными, и из отверстий в их крышах курился, отклоняясь на восток, дым. Один из домов, самый большой, стоял в средоточии западных пристаней, а над крытым соломой крыльцом висела вывеска в виде бочки. Очевидно, таверна. Прямо на наших глазах дверь открылась, на порог вышли двое и посмотрели на нас. Тут я понял, кто привел в порт те три военных корабля.

Финан тоже понял и выругался вполголоса.

Дело в том, что на тех двоих были бордовые плащи, а только один лорд заставлял своих воинов носить плащи такого оттенка красного цвета. Эту моду завел Этельхельм Старший, а его сын, мой нынешний враг, остался верен отцовской традиции.

Выходит, люди Этельхельма оказались в Кенте прежде нас.

– Что будем делать? – поинтересовался Гербрухт.

– А ты как думаешь? – Финан фыркнул. – Убьем ублюдков.

Когда королевы просят о помощи, воины отправляются на войну.

Глава 3

Мы подвели «Сперхафок» к одной из западных пристаней. Те двое из таверны наблюдали, как мы крепим швартовы, потом как Гербрухт, Фолькбальд и я сходим на берег. Фолькбальд, подобно Гербрухту, был фризом и точно таким же здоровяком, сильным, как два обычных человека.

– Что говорить знаешь? – уточнил я у Гербрухта.

– Конечно, господин.

– Не называй меня господином.

– Да, господин.

Пока мы шли к таверне, дождь сек нам лицо. У всех нас троих под промокшими плащами были надеты кольчуги, но мечей и шлемов мы не взяли. Вместо них – грубой вязки шерстяная шапка и нож, который каждый моряк носит на поясе. Я хромотал, Гербрухт слегка поддерживал меня. Земля раскисла, вода лилась с крытой соломой крыши таверны.

– Довольно! Стойте там! – крикнул нам более рослый из пары в красных плащах, когда мы приблизились к двери.

Мы покорно остановились. Те двое стояли под крыльцом, и их явно забавляло, что мы вынуждены ждать под проливным дождем.

– Что вам тут понадобилось? – спросил высокий.

– Лорд, мы ищем укрытие, – ответил Гербрухт.

– Я не лорд. И за укрытие тут берут плату с кораблей, – объявил дружинник.

Он был рослый, широколицый, с густой окладистой бородой, коротко подстриженной. Под красным плащом была кольчуга, на груди висел покрытый эмалью крест, а на боку длинный меч. Вид у него был уверенный и деловитый.

– Ну конечно, – смиренно сказал Гербрухт. – Плату мы должны внести тебе?

– Мне, разумеется. Я тут городской рив. С вас три монеты. – Он протянул руку.

Гербрухт был не самый смывленный из людей, поэтому просто вытаращился, что являлось лучшим ответом на столь возмутительное требование.

– Три? – воскликнул я. – Да мы в Лундене одним обошлись!

Высокий неприятно улыбнулся:

– Дедуля, плати три. Или ты хочешь, чтобы мои парни обшарили твою жалкую лодку и забрали то, что нам понравится?

– Ясное дело, нет, – обрел дар речи Гербрухт. – Заплати ему, – бросил он мне.

Я достал из кошель монеты и протянул высокому.

– Неси их сюда, дубина ты этакая! – потребовал он.

– Несу. – Я заковылял через лужу.

– Кто ты такой? – спросил высокий, сгребая серебро с моей ладони.

– Его отец, – сказал я, кивнув в сторону Гербрухта.

– Мы паломники из Фризии, – пояснил Гербрухт. – Мой отец хочет попросить исцеления у шлепанцев святого Григория в Контварабурге.

– Все так, – закивал я.

Свой амулет в виде молота я спрятал под кольчугу, а оба моих спутника были христиане, и на шее у них висел крест. Ветер рвал солому из кровли таверны, вывеска в виде бочки опасно раскачивалась. Дождь не ослабевал.

– Черт бы побрал этих чужеземцев-фризов, – пробормотал с подозрением высокий. – Еще и паломники! С каких это пор паломники носят кольчугу?

– Это самая теплая одежда, какая у нас есть, – проговорил Гербрухт.

– Да и корабли данов рыщут в море, – вставил я.

Длинный осклабился:

– Дедуля, староват ты для драки, и уж тем паче с датскими викингами! – Он снова посмотрел на Гербрухта и добавил язвительно: – Священные шлепанцы вам понадобились, значит?

– Прикосновение к туфлям святого Григория исцеляет больных, – подтвердил Гербрухт. – А отец мой страдает от горячки в ногах.

– Многовато вы захватили паломников, чтобы вылечить ноги одного старика, – недоверчиво заметил высокий, кивнув в сторону «Сперхафока».

– По большей части это рабы, – пояснил Гербрухт. – Некоторых мы собираемся продать в Лундене.

Высокий внимательно смотрел на «Сперхафок», но мои парни или сидели, сторбившись, на банках, или забились под рулевую площадку. День был пасмурный, лил дождь, никто бы не разобрал, рабы это или нет.

– Вы работоторговцы? – спросил он.

– Так и есть, – подтвердил я.

– Тогда вы обязаны уплатить пошлину! Много у вас невольников?

– Тридцать, мастер, – сказал я.

Длинный помедлил. Я понимал, что он прикидывает, сколько запросить.

– Пятнадцать шиллингов, – изрек он наконец и протянул руку.

На этот раз уже я вытаращился на него, и его ладонь легла на эфес меча.

– Пятнадцать шиллингов, – повторил он членораздельно, как если бы подозревал, что фризцы не поймут сказанного. – Или мы заберем ваш товар.

– Хорошо. – Я тщательно отсчитал пятнадцать серебряных чешуек и ссыпал их ему на ладонь.

Высокий ухмыльнулся, довольный, что одурачил иноземцев.

– А смазливых бабенок на вашем корабле нет?

– Трех последних продали в Дамноке, – ответил я.

– Жаль, – сказал длинный.

Его приятель хмыкнул:

– Погодите пару дней, и мы сможем предложить вам на продажу пару мальчиков.

– Очень маленьких?

– Младенчики.

– Это не про вас товар! – рявкнул первый, явно раздосадованный тем, что спутник завел разговор про детей.

– Мы за маленьких мальчиков хорошо платим, – заявил я. – При помощи плети их можно вышколить как надо. За пухлого послушного мальчишку не сложно выручить добрую цену!

Я выудил из кошелька золотую монету и подбросил ее пару раз на ладони. Я как мог старался подражать фризскому говору Гербрухта и явно преуспел, потому что никто из собеседников ничего не заподозрил.

– Маленькие мальчики продаются почти так же хорошо, как молодые женщины, – продолжил я.

– Мальчики, может, будут продаваться, а может, и нет, – буркнул длинный. – Но если вы их купите, то с обязанностью сбыть за границей. Тут их перепродавать нельзя. – Глаза его проводили золотую монету, которая, отправившись обратно в кошелек, звякнула о своих товарок.

– Как тебя зовут? – почтительно спросил я.

– Вигхельм.

– А меня Лиудульф, – представился я распространенным фризским именем. – Нам нужно убежище, и ничего больше.

– Старик, сколько вы собираетесь пробыть здесь?

– Как далеко отсюда до Контварбурга? – осведомился я.

– Десять миль, – сказал длинный. – Нормальный человек способен дойти туда за день, но тебе неделя понадобится. Как ты собираешься туда добираться? Ползком?

Он и его спутник расхохотались.

– Я пробуду здесь столько, сколько мне потребуется, чтобы добраться до Контварабурга и вернуться.

– И нам нужно какое-нибудь жилье, – добавил у меня из-за спины Гербрехт.

– Можете поселиться в одной из тех хижин, – разрешил Вигхельм, кивнув на противоположный берег маленькой гавани. – Но позаботьтесь, чтобы ваши проклятые рабы оставались в оковах.

– Разумеется, – ответил я. – Спасибо. Бог благословит тебя за твою доброту.

Вигхельм на это вновь хохотнул, потом они с товарищем вернулись в таверну. Я едва успел заметить сидящих за столами людей, как дверь захлопнулась, и было слышно, как лягнул засов.

– А это и в самом деле городской рив? – спросил Фолькбальд, пока мы шли обратно к кораблю.

Вопрос не праздный. Мне было известно, что у Этельхельма есть земли по всей Южной Британии, наверняка владеет он и какой-то частью Кента. Вот только едва ли Эдгифу стала искать убежища где-то вблизи этих имений.

– Врун он бессовестный, вот кто он такой, – отрезал я. – И задолжал мне восемнадцать шиллингов.

По моему предположению, Вигхельм или кто-то из его людей наблюдал из таверны, как мы переводим «Сперхафок» через реку и швартуемся у полусгнившей пристани. По моему приказу половина воинов, покидая корабль, передвигали ноги так, будто им мешают кандалы. Это представление их забавляло, но дождь был такой сильный, а день такой пасмурный, что едва ли кто мог разглядеть издали их ухмылки. Большинству членам команды пришлось разместиться в складском строении, потому что в маленькой хижине, где в очаге яростно пылали плавающие, места не хватало. Хозяин, здоровяк по имени Калф, был рыбаком. Они с женой угрюмо смотрели, как добрая дюжина чужаков вваливается в комнату.

– Да вы чокнулись, если выходили в море в такую погоду, – наконец заявил Калф на ломаном английском.

– Боги сберегли нас, – ответил я ему по-датски.

Лицо у него просветлело.

– Так вы даны!

– Даны, саксы, ирландцы, фризы, норманны и много кто еще. – Я выложил на бочку, служившую семье столом, два шиллинга. Присутствие тут данов меня не удивило: десятки лет назад они вторглись в эту часть Кента и многие осели здесь, женились на местных и приняли христианство. Я кивнул на серебряные монеты. – Одна из них за предоставленный нам кров. Вторая – если откроешь рот.

– Открою рот? – Рыбак растерялся.

– И расскажешь, что тут происходит, – пояснил я, доставая Вздох Змея и шлем из большого кожаного мешка.

– Происходит? – Калф нервно сглотнул, глядя, как я пристегиваю длинный меч к поясу.

– В городе, – уточнил я, кивнув на юг. От Оры и ее маленькой гавани было рукой подать до самого Фэфрешема, стоящего на возвышенном месте в отдалении от моря. – И про этих парней в красных плащах, – добавил я. – Сколько их?

– Три команды.

– Девяносто человек?

– Около того, господин. – Калф слышал, как обращается ко мне Берг.

– Три команды... – повторил я. – Сколько их осталось здесь?

– В таверне двадцать восемь человек, – уверенно заявила жена Калфа. Я испытующе посмотрел на нее. Она кивнула. – Господин, мне приходится готовить еду этим ублюдкам. Их двадцать восемь.

Двадцать восемь воинов остались охранять корабли. Наша история про работоторговцев-фризов, скорее всего, убедила Вигхельма, иначе он наверняка попытался бы помешать нам высадиться. Но возможно, понимая, что его небольшой отряд не в силах сражаться с более многочисленной командой, он проявил осторожность: сначала заставил нас высадиться на дальнем от таверны берегу, а потом отрядил гонца на юг, в Фэфрешем.

– Так, значит, остальные воины в Фэфрешеме? – уточнил я у Калфа.

– Господин, этого мы не знаем.

– Ну так расскажите то, что знаете.

Как выяснилось, две недели тому назад, при последней полной луне, прибыл корабль из Лундена. На нем было несколько женщин, маленький мальчик, двое младенцев и с полдюжины мужчин. По словам нашего хозяина, они отправились в Фэфрешем и женщины и дети нашли приют в монастыре. Четверо мужчин остались в городе, а двое купили коней и усаkali. Затем, спустя три дня, появились три корабля с воинами в красных плащах. Они вошли в гавань, и большая часть пришельцев тоже отправилась на юг, в город.

– Господин, они не сказали, что им здесь понадобилось, – пожал плечами Калф.

– Да и вообще не слишком любезны, – добавила его жена.

– Мы тоже, – процедил я.

Не составляло труда предположить, что именно произошло. Замысел Эдгифу явно был раскрыт, и Этельхельм отрядил людей, чтобы помешать ей. По словам священника, приехавшего ко мне в Беббанбург, королева основала монастырь в Фэфрешеме. Этельхельм вполне мог предположить, что она побежит именно в обитель, и решил поймать ее там.

– Женщины и дети до сих пор в Фэфрешеме? – спросил я у Калфа.

– Мы не слышали, чтобы они уезжали, – без уверенности ответил он.

– Но если бы воины в красных плащах вломились в монастырь, до вас наверняка дошла бы весточка?

– Господин, мы бы про это точно узнали, – угрюмо ответила жена Калфа, перекрестившись.

Значит, король еще жив, или, по крайней мере, весть о его смерти не дошла до Фэфрешема. Было понятно, зачем пожаловали в Кент дружинники Этельхельма, но они не отважатся тронуть королеву Эдгифу и ее сыновей, не убедившись, что король мертв. Эдуард поправлялся прежде, и, пока он жив, с ним остается сила трона. А если государь встанет со смертного одра и узнает, что его жену и детей захватили, Этельхельму не поздоровится. Неподалеку ударил гром, хижина вздрогнула от порыва ветра.

– Есть ли способ добраться до Фэфрешема, не будучи замеченными из таверны на противоположном берегу? – поинтересовался я у Калфа.

Тот на миг задумался.

– Вот там проходит водоотводная канава. – Он указал на восток. – Иди на юг, господин, и найдешь заросли камыша. Они тебя укроют.

– А как насчет реки? – уточнил я. – Нам придется пересекать ее по пути к городу?

– Там есть мост, – подтвердила жена Калфа.

– Мост могут охранять, – заметил я, хотя и сомневался, что караульные бдят в такую погоду.

– Скоро отлив, – заверил меня Калф. – Реку можно будет перейти вброд.

– Не говори, что мы потопаем назад в такой дождь! – воскликнул Финан.

– Мы потопаем назад. В такой дождь. Тридцать из нас. Желаете остаться стеречь «Сперхафок»?

- Нет, хотелось бы увидеть, что ты делаешь. Люблю наблюдать за сумасшедшими.
- Щиты берем? – задал более разумный вопрос Берг.

Нам предстояла переправа через реку, а щиты тяжелые; я же собирался вернуться, как только мы доберемся до противоположного берега и избавимся от Вигхельма и его людей. Драка, по моим расчетам, состоится внутри таверны, и я не собирался предоставлять врагу время вооружиться. В тесной комнате щиты станут не преимуществом, но обузой.

- Не берем, – решил я.

Это было безумием. Не только выступать в свирепую бурю на исходе дня и переправляться через вздувшуюся канаву, но вообще заявиться сюда. Не составляло труда найти оправдание в связавшей меня клятве Этельстану, но существовал куда более простой способ исполнить ее: взять сотню всадников и влиться в войско Этельстана в Мерсии. Вместо этого я брел по затянутой илом канаве, промокший и замерзший, в самом сердце страны, где считался врагом, и тешил себя надеждой, что никчемная королева не помешает мне исполнить данную мною клятву.

Эдгифу проиграла. Если поп-посланец говорил правду, она отправилась на юг, чтобы заручиться поддержкой своего брата Сигульфа, олдермена Кента, и его дружины. Вместо этого оказалась в окруженном врагами монастыре. Да, головорезы смогут захватить ее только после смерти короля, но они непременно захватят, а потом устроят так, что ее малолетние сыновья умрут. Она заявила, что едет в паломничество в Контварабург, но Этельхельм разгадал обман и послал людей найти ее. А еще, как я догадывался, отрядил кого-то и к Сигульфу и убедил его, что любая попытка поддержать сестру будет подавлена превосходящими силами. Так что Этельхельм победил.

Вот только Этельхельм не знал, что я в Кенте. И это было небольшим преимуществом.

Канавы тянулись на юг. Какое-то время мы брели по пояс в воде, хорошо укрытые со стороны Оры густыми зарослями камыша. Я споткнулся пару раз о верши для угрей и честил ненастную погоду. Однако через полмили, или около этого, канава свернула на восток, обходя возвышенность. Мы выбрались из мутной воды и перешли раскисшее пастбище, но тут же уперлись в реку. Дорога из гавани во Фэфрешем шла по противоположному ее берегу. На ней никого не заметили. Слева от меня находился Фэфрешем, невидимый за гнувшимися под ветром деревьями и пеленой дождя, справа лежала гавань, скрытая полоской земли, которую мы недавно пересекли.

Калф сказал, что реку можно перейти при отливе. Низшая точка отлива приближалась, но дождевая вода сливалась из дюжин канав, поэтому река по-прежнему была и быстрой. Молния разорвала темное небо у нас над головой, под низко летящими облаками раскатился удар грома.

– Надеюсь, это знак от твоего Бога, – буркнул Финан. – Как нам, черт побери, переправиться через этот поток?

- Господин! – окликнул меня слева Берг. – Верши!

Он указывал вверх по течению, где вода пенилась и бурлила вокруг ивовых прутьев.

- Вот так и переправимся, – сказал я Финану.

Это было трудно, это было мокро, это было опасно. Ивовые ветки с натянутыми между ними сетями поддержать не могли, но хоть как-то помогали при переходе через реку. В самом глубоком месте вода дошла мне до груди, а течение норовило утянуть за собой. В середине реки я споткнулся и нырнул бы, не поддержи меня Фолькбальд. Я порадовался, что ни у кого из нас нет при себе тяжелых, окованных железом щитов. Выл ветер. День клонился уже к вечеру, скрытое тучами солнце садилось, дождь хлестал нам в лицо, над головой рокотал гром; окоченевшие, мы выползли на берег.

- Нам туда. – Я указал направо, в сторону севера.

Первое, что предстояло сделать, – это вернуть восемнадцать шиллингов и уничтожить охрану кораблей в таверне Оры. В данный момент мы находились между врагами здесь и Фэфрешемом. Существовала вероятность, что Вигхельм предупредил располагающиеся в городе основные силы и его маленький отряд получил подкрепление, но я в этом сомневался. В такую погоду люди предпочитают сидеть по домам, так что, возможно, Тор был на моей стороне. Не успел я об этом подумать, как зазубренная молния расколола небо и раздался оглушительный удар грома.

– Скоро согреемся, – пообещал я своим.

Путь до гавани был коротким. Дорога поднималась на насыпь, разлившаяся река плескалась по обеим ее сторонам.

– Мне нужны пленники, – предупредил я, потом наполовину вытянул Вздох Змея из обитых войлоком ножен и загнал обратно.

– Знаешь, что означает эта буря? – Финану пришлось кричать, чтобы перекрыть вой ветра и шум ливня.

– Что Тор на нашей стороне!

– Она означает, что король умер!

Я перешагнул через полную воды колею.

– Когда умер Альфред, бури не было.

– Эдуард мертв! – стоял на своем Финан. – Наверное, вчера скончался.

– Скоро выясним. – Слова его меня совсем не убеждали.

Тут мы оказались на окраине деревни, на улочке из маленьких лачуг. Таверна находилась прямо перед нами. Вдоль тыльной ее стены шли навесы – видимо, конюшни или кладовые. Ветер подхватывал и уносил на восток дым из отверстия в крыше.

– Фолькбалд, бери двоих и оставайся здесь, – скомандовал я. – Не дайте никому убежать.

Калф сообщил, что у таверны всего два выхода, главный и черный, но беглецы вполне могли воспользоваться закрытыми ставнями окнами. Задачей Фолькбалда было не дать никому добраться до Фэфрешема. Поверх крыши я различал кренящиеся под ветром мачты трех кораблей Этельхельма. План мой был весьма прост: вломиться через заднюю дверь таверны и перебить собравшихся внутри. Постояльцы, как я предполагал, все соберутся поближе к пылающему очагу.

От черного входа нас отделяло шагов пятьдесят, когда оттуда вышел человек. Согнувшись под дождем, он поспешил к навесу, повозился со щеколдой на двери и, распахнув ее, повернулся и заметил нас. На один удар сердца он замер, вытаращившись, а потом опрометью кинулся обратно в таверну. Я выругался.

Я крикнул, подгоняя своих, но мы так замерзли и вымокли, что с трудом передвигали ноги, люди же Вигхельма действовали быстро. Первыми появились четыре воина, каждый со щитом и с копьем. За ними высыпали другие, наверняка проклиная нужду выходить в бурю, но у каждого имелся щит с темным силуэтом прыгающего оленя – знаком Этельхельма. Я рассчитывал на ожесточенную схватку в таверне, а вместо этого неприятель строил между навесами «стену щитов». Враги наставили копья, а у нас копий не было. Они укрывались за щитами, а нам спрятаться было не за чем.

Мы остановились. Вопреки шуму дождя и вою ветра, я расслышал лязг окованных железом щитов, касающихся друг друга. Я видел Вигхельма, высокого и чернобородого, в центре «стены», шагах в тридцати от нас.

– Волчья ловушка! – скомандовал я, принял вправо, дав знак следовать за мной, и нырнул в промежуток между двумя лачугами.

Едва скрывшись из виду у Вигхельма и его копейщиков, я повернул в ту сторону, откуда мы пришли. Мы смели немудреную ограду из плавника, обогнули навозную кучу и ворвались в другой узкий проход между двумя хижинами. Укрывшись в нем, я вскинул руку.

Мы остановились, никто из моих не издал ни звука. Поблизости взвыла собака, в лачуге заплакал ребенок. Мы обнажили мечи и стали ждать. Я испытывал гордость за своих парней. Они знали, что я имел в виду под «волчьей ловушкой», и ни один не задал мне вопроса, что и зачем мы делаем, – хорошо были выучены. Войны выигрываются не только на полях сражений, но и на площадках для упражнений в крепостях.

Волки – враги пастухов. Собаки – друзья, однако пастушья собака редко убивает волка, хотя и способна отпугнуть его. Мы охотимся на волков в горах Нортумбрии, и наши волкодавы убивают их, а истребить хищников не удастся. Они возвращаются и режут скот, оставляя окровавленные туши валяться в траве. Я назначил награду тому, кто принесет свежую, пахучую волчью шкуру, и часто выплачиваю ее, но волки продолжают нападать на стада. Мы охотимся на них, хотя это хитрый и коварный враг. Бывали случаи, когда мы отправлялись прочесывать окрестные леса и холмы, вооруженные волчьими рогатинами, спускали собак и так и не находили следа хищника. А на следующий день очередная дюжина овец или ягнят становилась его добычей. Когда такое случалось, мы устраивали волчью ловушку. Это означало, что, вместо того чтобы идти на поиски волков, мы предлагали им искать нас.

Мой отец любил использовать для такой ловушки старого барана. Мы привязывали скотину близ места, где волчья стая совершила последний налет, потом устраивали засаду с подветра от приманки. Я предпочитаю использовать свинью. Это дороже, чем старый баран, но и надежнее. Привязанная свинья громко визжит, протестуя против такого обращения, и этот звук приманивает волков. Когда хищник появляется, визг становится громче. Тогда мы спускаем собак, нацеливаем копья и пришпориваем коней. Свинью мы в половине случаев теряем, но волка убиваем.

Я ничуть не сомневался, что мои бойцы лучше дружинников Вигхельма, но просить людей лезть на «стену» без щитов, без секир, чтобы прорубиться через оборону врагов, и без копий, чтобы доставать неприятелей через зазоры между их щитами, означало раскрывать объятия смерти. Мы бы победили, но ценой, которую я не был готов заплатить. Мне требовалось разбить «стену щитов» Вигхельма, причем так, чтобы не потерять и пары своих людей нанизанными на копья. Поэтому мы ждали.

По моему предположению, воины Вигхельма должны были укрыться от бури, дав нам возможность незамеченными достигнуть таверны. Мне следовало пробираться за домами до тех пор, пока не подойдем совсем близко. Теперь пришла моя очередь дать Вигхельму возможность ошибиться. Любопытство его погубит – так, по крайней мере, я надеялся. Он заметил наше приближение, построил «стену щитов», а потом мы исчезли в переулке. И больше не появились. Вигхельм станет вглядываться в бурю, сквозь струи дождя, пытаясь понять, не ушли ли мы обратно на юг. Просто забыть про нас он не мог. Наше отступление еще не означало бегства. Ему непременно требовалось узнать, куда мы делись и не преграждаем ли дорогу до Фэфрешема. Вигхельм долго не трогался с места, питая робкую надежду, что мы исчезли совсем, или в расчете на то, что выдадим себя, но мы не шевелились и не шумели. Мы выжидали.

Я подманил к себе Осви – молодого, проворного, смышленного и свирепого.

– Прoberись обратно к хижинам, – велел я ему, указывая на юг. – Прoberись как можно дальше. Потом покажись перед ними и сделай вид, что удираешь.

Осви ухмыльнулся, повернулся и скрылся за дальней к югу хижинной. Финан лежал, распластавшись, на углу улицы и наблюдал за таверной поверх зарослей крапивы. Мы продолжали ждать. Дождь лил, барабана по улице, сливаясь ручьями с крыш, косой под порывами ветра. Гром гремел беспрестанно. Я вытащил из-за пазухи амулет, стиснул его, закрыл на миг глаза и взмолился Тору.

– Идут! – крикнул Финан.

– Как именно? – Мне важно было знать, сохранил ли Вигхельм строй или бросился в беспорядочную погоню.

– Бегут! – отозвался Финан. Он осторожно отполз с видного места, встал и отер грязь с лезвия Похитителя Душ. – Точнее, пытаются бежать!

Похоже, выходка Осви сработала. Вигхельм, будь у него хоть унция здравого смысла, должен был выслать вперед двух-трех человек, проверить деревню. Но он до поры держал всех в «стене щитов», а потом разом отправил своих людей за Осви, который, по его предположению, бежал вместе со всеми нами. Так он сломал строй и теперь гнал воинов вдоль по улице, организовав, как ему наивно казалось, погоню.

А мы вывалились из переулка с боевым кличем, бросавшим вызов в равной степени как холоду и сырости, так и облаченным в красные плащи воинам. Те брели по грязной дороге, приуныв от скверной погоды и, что самое лучшее, нестройной толпой. Мы ударили по ним со свирепостью самой бури. Тор, видно, услышал мою молитву, потому что как раз в тот момент расколол небо своим молотом прямо над нашими головами. Какой-то молодой дружинник повернулся ко мне лицом, перекошенным от страха, и вскинул щит, а я врезался в него с разбега, втоптав в грязь. Кто-то, наверное Вигхельм, приказывал западным саксам строить «стену щитов», но было уже слишком поздно. Берг пронесся мимо меня, я пинком отбил держащую меч руку юнца, и хмурый день обагрился кровью, когда яростный клинок Берга полоснул того по горлу. Не сбавляя шага, Берг налетел на дородного детину, оравшего что-то нечленораздельное. Толстяк взвизгнул, когда меч норманна рассек ему поджилки под коленями, и закричал, когда Гербрухт воткнул ему клинок в живот.

Я бежал к Вигхельму, наставившему на меня копье. Выглядел он таким же испуганным, как его люди. Отведя копье в сторону мечом, я навалился всем весом на его щит и опрокинул противника в грязь. Врезав по голове, я наклонился и приставил к его горлу Вздох Змея.

– Не дергайся! – рывкнул я.

Финан выдернул у Вигхельма копье и левой рукой метнул его в подобие «стен щитов», метя в высокого человека, пригнувшегося навстречу атаке Фолькбальда. Копье угодило в нижний край щита, заставив его опуститься, и проворный клинок Финана хищно метнулся к глазам врага. Фолькбальд прикончил ослепленного зверским двуручным выпадом, пронзил кольчугу и вспорол несчастному живот от пупа до грудной клетки. Залитая водой колея дороги сделалась красной, от падающих капель дождя взлетали розовые брызги, а ветер пролетал над заболоченными лугами, издавая унылые стоны.

Берг, обычно смертоносный в битве, поскользнулся в грязи. Он упал, распростершись, и тщетно старался отползти от копейщика в красном плаще, заметившего свой шанс и занесшего копье для смертельного удара. Я метнул Вздох Змея, и клинок, перевернувшись в полете под струями дождя, врезался врагу в плечо. Вреда удар не причинил, но заставил воина повернуться ко мне. Видарр Лейфсон подскочил, ухватил его за сжимающую древко руку и дернул, подтащив под меч Беорнота. Заметив, что я безоружен, Вигхельм попытался двинуть меня щитом в бедро, но я наступил ему на лицо и вдавил его голову в грязь. Он стал задыхаться. Не убиравя ноги, я наклонился и вытащил меч из висящих у него на поясе ножен.

Трофейный меч мне не пригодился, потому что бой вскоре кончился. Наш натиск оказался настолько неожиданным и яростным, что у павших духом, промокших воинов Вигхельма не было шансов. Мы убили шестерых и четверых ранили, остальные побросали щиты и оружие, моля о пощаде. Трое бежали в переулок, но Осви и Берг настигли их и привели назад к таверне, где мы, сняв с пленников кольчуги, согнали их, промокших и унылых, в кучу в самой большой из комнат. Потом мы подкинули дров в очаг. Я поручил Бергу и Гербрухту раздобыть лодку, переплыть на другой берег реки и привести сюда «Сперхафок» вместе с оставшимися охранять его воинами. Видарр Лейфсон и Беорнот отправились в дозор, наблюдать за дорогой

из Фэфрешема. Осви чистил Вдох Змея, а Финан надежно связывал наших пленников ремнями из тюленьей шкуры.

Я пощадил жизнь Вигхельма. Отделил его от остальных пленников и усадил на скамью близ очага. От горящего в нем плавника сыпались искры.

– Развяжи ему руки, – велел я Финану, потом протянул открытую ладонь. – Верни дедуле восемнадцать шиллингов.

Вигхельм скрепя сердце отсчитал монеты из кошель и отдал мне.

– А теперь остальные, – потребовал я.

Он сплюнул попавший в рот кусок грязи.

– Остальные что?

– Монеты гони, балда. Отдавай все, что у тебя есть.

Вигхельм отвязал от пояса кошель и отдал мне.

– Кто ты? – спросил он.

– Я же сказал: Лиудульф из Фризии. Если ты готов в это поверить, то ты еще больший дурак, чем мне кажется.

Раздался близкий удар грома, струи дождя сильнее застучали по кровле. Я высыпал монеты из мошны Вигхельма на ладонь и передал Финану.

– Сомневаюсь, что ублюдки заплатили хозяину гостиницы, – объяснил я. – Так что разыщи его и передай эти деньги. Потом скажи, что нам нужна еда. Не для них, – я кивнул на пленников, – для нас.

Снова посмотрел на Вигхельма и вытащил из-за пояса короткий нож. Я улыбнулся пленнику и проверил большим пальцем остроту лезвия.

– Теперь пришло время поболтать с дедулей, – сообщил я и приложил клинок плоской стороной ему к щеке.

Верзила вздрогнул.

Он заговорил, подтвердив большую часть моих догадок. Заявив, что отправляется в Контварабург помолиться перед усыпальницей святой Берты, Эдгифу ни на миг не обманула Этельхельма. Королева и ее маленькая свита еще ехали на юг, а подручные Этельхельма уже мчались в Вилтунскир, где по прибытии сколотили отряд из дружинников. Тот, в свою очередь, пришел в Лунден – там олдермен держал корабли, – а те доставили воинов в Кент, где, как и предполагал Этельхельм, нашла убежище Эдгифу.

– Какой дан тебе приказ? – спросил я у Вигхельма.

Он пожал плечами:

– Быть здесь, не давать ей уйти, ждать дальнейших указаний.

– Которые должны поступить, когда умрет король?

– Видимо, так.

– Тебе не приказывали идти в Контварабург? Чтобы велеть брату королевы сидеть тихо?

– Туда отправили других людей.

– Каких людей? Кого именно? И с какими целями?

– Дреоган. Он взял с собой пятьдесят человек. Что поручено ему, я не знаю.

– А кто такой Дреоган?

– Командир полусотни личных дружинников лорда Этельхельма.

– Как насчет Ваормунда? – спросил я.

При упоминании этого имени Вигхельм вздрогнул и перекрестился.

– Ваормунд отправился в Восточную Англию, – доложил он. – Но зачем, я не знаю.

– Не любишь Ваормунда? – поинтересовался я.

– Его никто не любит, – буркнул Вигхельм. – Разве что лорд Этельхельм. Ваормунд – цепной пес лорда Этельхельма.

– Знаю я этого пса, – процедил я, припомнив здоровенного детину с ничего не выражающим лицом. Он был выше и сильнее всех известных мне людей, за исключением Стеапы, еще одного свирепого воина из западных саксов. Стеапа был рабом, но сделался одним из самых доверенных бойцов короля Альфреда. Еще он сначала был моим врагом, а потом стал другом.

– Стеапа еще жив? – спросил я.

Вигхельм на миг растерялся, но кивнул:

– Старый он. Но живой.

– Хорошо. – Я улыбнулся. – А кто в Фэфрешеме?

Снова Вигхельм смутился от неожиданного поворота вопроса:

– Там Эдгифу...

– Это я и так знаю! Кто там старший над воинами?

– Энвульф.

– Сколько у него воинов?

– Около пятидесяти.

Я повернулся к Иммару Хергильдсону. Я спас этому юнцу жизнь, и с тех пор он верой и правдой служил мне.

– Свяжи ему руки, – приказал я.

– Да, господин.

– Господин? – встревоженно повторил Вигхельм. – Так ты...

– Ты все верно расслышал, – сердито бросил я.

Ударил гром, но теперь уже вдалеке: гнев Тора смещался в сторону бурного моря. Ветер все еще сотрясал таверну, но без прежней ярости.

– Буря проходит, как я посмотрю, – заметил Финан, подавая мне кувшин с элем.

– Проходит, – согласился я.

Я открыл ставни, и пламя в очаге заметалось. Снаружи было почти темно.

– Пошли кого-нибудь за Видарром и Беорнотом, – распорядился я.

Вряд ли дружинники Энвульфа в Фэфрешеме отправились в ночь на север, так что держать дозор не имело смысла.

– А что завтра? – поинтересовался Финан.

– Завтра нам предстоит спасти королеву, – буркнул я.

Королеву, робкая попытка которой восстать против Этельхельма окончилась провалом. А на ней строился главный мой расчет сдержать слово: убить самого видного из уэссекских вельмож и его племянника. Причем последний из них, если предчувствия Финана насчет связи бури со смертью государя верны, уже стал королем.

И нам предстоит сделать так, чтобы его правление было коротким.

Завтра.

Буря выдохлась за ночь, оставив после себя поваленные деревья, набухшие соломенные крыши и затопленные луга. Рассвет оказался сырым и хмурым, как если бы погода раскаивалась во вчерашнем приступе гнева. Облака плыли высоко, река вошла в берега, ветер успокоился.

Мне предстояло решить, как быть с пленниками. Первым порывом было запереть их в крепком амбаре на западном берегу гавани и оставить двух человек стеречь их. Но парни Вигхельма были молодые, сильные и озлобленные своей неудачей, поэтому наверняка попытаются выбраться из заточения, а меньше всего я хотел, чтобы шайка горящих желанием отомстить воинов пошла за мной на юг, в Фэфрешем. Не хотел я и оставлять значительные силы для охраны пленников или защиты «Сперхафока». В Фэфрешеме мне понадобятся все мои люди.

– Да надо просто взять и перебить ублюдков, – предложил Видарр Лейфсон.

– Высади их на острове, – посоветовал Финан, имея в виду Skeapig.

– А если они плавать умеют?

Мой друг пожал плечами:

– Таких едва ли много наберется.

– Рыбачья лодка может снять их.

– Ну, тогда последуй совету Видарра, – отрезал ирландец, устав от моих сомнений.

Избранный мной способ был рискованным, но я не смог придумать ничего лучшего. Мы погрузили пленных на «Сперхафок», отгребли на милю на восток вниз по реке Свальван и нашли поросший тростником остров, который, судя по линии плавника на берегу, не затапливался во время прилива. Мы раздели бедолаг донага и высадили, заставив нести четверых их раненых. Вигхельм высаживался последним.

– Вам не составит труда добраться до Skeapiga, – сказал я ему. Выбранный нами камышовый остров находился всего лишь на расстоянии длинного выстрела из лука от заболоченных берегов Skeapiga. – Но если вы причините вред кому-нибудь, я об этом узнаю и приду за тобой. И когда я тебя найду, твоя смерть будет медленной. Ты понял?

Вигхельм мрачно кивнул:

– Да, лорд. – Он теперь знал, кто я, и был сильно напуган.

– Все здешние жители, – я указал и на материк, и на Skeapig, – находятся под моей защитой, а я – Утрэдэrv! Так кто я такой?

– Утрэд Беббанбургский, лорд, – со страхом вымолвил он.

– Меня зовут Утрэдэrv, и мои враги умирают. Иди!

Был уже полдень, когда мы вернулись в гавань, и прошел еще час, прежде чем мы отправились в путь по ведущей на юг дороге. Скучно перекусив жареной рыбой и черствым хлебом, мы начистили кольчуги и оружие и нарядились в красные плащи, отмечавшие людей Этельхельма. Среди наших трофеев были двадцать четыре щита дружинников олдермена, каждый с прыгающим оленем, и я раздал их своим парням. Остальным пришлось отправиться в Фэфрешем без щитов. Язычники, вместе со мной, попрятали амулеты с молотами. Лучше всего было бы отрядить пару человек разведать город, но улицы и переулки куда сложнее осматривать, оставаясь незамеченным, чем леса и перелески. Я опасался, что моих людей поймают, допросят с пристрастием и узнают о нашем присутствии. Уж лучше ворваться в Фэфрешем со всеми силами, даже если силы эти вполонину меньше вражеских. Я отрядил Эдрика, самого ловкого из моих разведчиков, изучить городские окраины, но велел не высовываться.

– Смотри не попадись! – напутствовал я его.

– Господин, мерзавцы меня даже не учуют.

По мере нашего продвижения на юг небо расчищалось. Ветер стихал, налетая редкими порывами и раздувая позаимствованные нами плащи. Солнце пригревало, сверкая на залитых водой пастбищах. Нам навстречу попала девчушка, лет восьми-девяти, гнавшая трех коров на север. Напуганная, она сошла с дороги, давая нам пройти.

– Погодка-то сегодня улучшилась! – жизнерадостно обратился к ней Беорнот, но малышка только задрожала и потупила глаза.

Мы миновали сады, где буря повалила деревья, а один ствол был расщеплен и опален ударом молнии. Я вздрогнул, заметив мертвого лебедя, который лежал со сломанной шеей в запруженной канаве. Недобрый то был знак, и я поднял взгляд в надежде узреть знамение получше, однако видел только оставшиеся на память от бури разрозненные облака. Женщина копалась в огороде у крытой тростником хижины, но, заметив нас, юркнула в дом, и до меня донесся звук запираемого засова. Интересно, а как вели себя селяне, увидев приближающееся войско римлян? Или данов? Фэфрешем был охвачен тревогой, страхом – маленький городок, оказавшийся на перепутье властных амбиций могущественных людей.

Меня тоже снедала тревога. Если Вигхельм сказал правду, то дружинников Этельхельма в Фэфрешеме больше, чем у меня. Если они начеку и ожидают проблем, то нас быстро задавят

числом. Я рассчитывал, что трофейные плащи и щиты помогут нам беспрепятственно проникнуть в город, но Эдрик вернулся с докладом, что дорогу охраняет дозор из дюжины копейщиков.

– Причем, господин, это не сонные лентяи, – добавил он. – Парни смотрят в оба.

– Всего двенадцать?

– И еще куча, готовая прийти им на подмогу в случае чего, – мрачно заявил Эдрик.

Мы сошли с дороги и укрылись за полосой терновника на раскисшем от дождя пастбище. Если Эдрик прав, попытка напасть на дюжину дозорных закончится вмешательством основных сил врага, и мне придется иметь дело с отчаянной схваткой вдали от безопасного пути отступления на «Сперхафок».

– Можешь проникнуть в город? – спросил я у Эдрика.

Тот кивнул:

– Господин, тихих переулков там хватает.

Эдрик, средних лет сакс, способный скользить по лесу бесплотным духом, утверждал, что сумеет пробраться мимо часовых Этельхельма и окажется достаточно хитрым, чтобы остаться незамеченным в городе.

– Я стар, господин, – объяснил он. – А старые не привлекают такого внимания, как молодые.

Эдрик избавился от оружия, снял кольчугу и, изображая крестьянина, проскользнул через дыру в терновой изгороди. Мы ждали. Последние облака таяли, солнце дарило приятное тепло. Дым от очагов Фэфрешема уже не клонился вбок под напором ветра, а поднимался прямо. Эдрик отсутствовал долго, и я начал уже бояться, что его поймали. Финан разделял мои опасения. Друг сидел рядом со мной и беспокойно ерзал, но замер, заметив отряд облаченных в красные плащи всадников на востоке. Их было самое малое два десятка. Я встревожился, что они ищут нас, и наполовину вытащил уже Вздох Змея, но конные повернули назад к городу.

– Просто разминали коней, – со вздохом облегчения пробормотал я.

– А кони-то хорошие, – заметил Финан. – Не какие-нибудь сельские клячи.

– Насчет лошадей я не сомневался. Земли тут богатые, стоит только удалиться от болот.

– Но ублюдки ведь приплыли на корабле, – заметил Финан. – И никто не упомянул, что при них были лошади.

– Значит, они раздобыли их у городских жителей.

– Или к ним пришло подкрепление, – мрачно предположил ирландец. – Нехорошо это все. Лучше бы нам убраться восвояси.

Финан не был трусом. Я бы устыдился, даже допустив подобную мысль. Ну конечно он не был трусом! Финан – из самых храбрых людей, каких мне доводилось знать, а мечом орудует с молниеносной скоростью и смертоносным искусством. Но в тот день его обуревали мрачные предчувствия. То было ощущение страха, вроде бы не основанного ни на чем, что можно увидеть или услышать, но не менее реального. Он говорил, что ирландцам доступно знание, закрытое для остальных народов, что им дано чувствовать судьбу. И хотя Финан был христианином, он верил, что мир населен множеством духов и невидимых существ. В ту ночь он пытался убедить меня вернуться на «Сперхафок» и уплыть обратно на север. Нас так мало, твердил он, а враги так многочисленны.

– И еще я видел тебя мертвым, – закончил мой друг. Эти слова явно дались ему с трудом.

– Мертвым? – переспросил я.

– Ты лежал голый, весь в крови, посреди ячменного поля. – Он выждал, но не услышал от меня ответа. – Надо бы нам вернуться домой.

Хотелось последовать его совету. А видение – или сон – Финана почти убедило меня. Я коснулся амулета в виде молота.

– Раз уж мы забрались так далеко, то я должен поговорить с Эдгифу, – решил я.

– Но зачем, бога ради?

Разговор состоялся еще в таверне, на скамье близ очага. Все наши храпели вокруг. Ветер все еще гремел ставнями и рвал соломенную кровлю, а дождь лил через отверстие в крыше, капли шипели, попадая в огонь, но буря ушла в море, и только ее остатки нарушали покой ночи.

– Потому что ради этого я сюда пришел, – упрямо ответил я.

– Предполагалось, что она соберет ополчение из кентцев, не так ли?

– Так обещал мне священник.

– И это ей удалось?

– Ответ ты знаешь не хуже меня. – Я вздохнул.

– Но завтра мы отправимся вглубь страны? – уточнил мой друг. – Лошадей у нас нет. Что, если нас отрежут от гавани?

Я хотел сказать ему, что обязан исполнить клятву, но Финан, разумеется, был прав. Есть и другие способы сдержать обещание, данное Этельстану. Я мог примкнуть к нему в Мерсии, а вместо этого предпочел поверить попу и воспылал надеждой возглавить отряд мятежных кентских воинов и напасть на Этельхельма прямо внутри Уэссекса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.